

ОКСАНА ОБУХОВА

УНИЧТОЖЕННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

18+

Оксана Обухова

**Уничтоженная
вероятность (Циклопы)**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Обухова О. Н.

Уничтоженная вероятность (Циклопы) / О. Н. Обухова —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Через пару сотен лет бестелесные путешествия разума становятся реальностью, и в тела предков валом валят «туристы» — наблюдатели из будущего. Агентства гарантируют полную безопасность и массу впечатлений, но в свадебное путешествие стилиста Иннокентия и богатой наследницы Жюли, отправившихся в наше время, вмешиваются хроно-террористы. Молодожены мечтали испытать эмоции героев знаменитого романа, вошедшего в учебники, но их невинное путешествие используют боевики из будущего. Они вторгаются в наш мир, чтобы нарушить ход истории... В создании обложки использованы фото и коллаж Алены Ивановой.

© Обухова О. Н., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

1 часть

Воняло больницей. Хлоркой-карболкой-аптекой. Мокрыми бинтами.

Едва нос рассортировал запахи, у Бори, как у любого нормального мужика, рефлекторно подвело живот – воспоминания нахлынули.

Не к ночи бы. Припомнились отшибленные потроха и чьи-то выбитые зубы.

Завьялов приоткрыл глаза. Темнота: на практически бесчувственном лице лежала серая, замызганная тряпка.

И тишина.

«Вытрезвитель», – обреченно предположил Борис.

В вытрезвителе он ни разу не бывал, но иного объяснения происходящему элементарно не нашлось, поскольку в членах наблюдались вялость, тремор, слабость. И голова гудела пустым помойным ведром, сухой язык царапал небо, как подошва кирзового сапога.

Явилась мысль: «Косолапов, сволочь, ушел-таки в обещанный штопор и затянул с собой, зараза».

Непослушной корявой рукой Борис сбросил на пол длинную простыню с подозрительными разводами...

Из-под простыни выполз низкий плиточный потолок. Судя по близости двух стен, Завьялов лежал в длинном коридоре. Почти темном. В необозримом далеко тихонько и одиноко тлела лампочка.

Плитки потолка странно размывались, Борис прищурил один глаз – зрение сфокусировалось. Открыл второй – поплыло...

Жесть. Недавно отказало правое ухо, теперь вот глаз. Но почему-то – левый.

Завьялов попытался сосредоточиться. Вспомнить хотя бы фрагментарно чего он такого творил, как докатился...

Тупик. Последним четким воспоминанием была больница, куда он пришел встретить выписавшегося друга Колю Косолапова.

Пришел Завьянь один. Поскольку болезнь с Косым приключилась – стыдная. Не из тех, над которыми хихикают девочки, а из тех, над которыми мужики в курилках ржут: десять дней назад на носу Коляна вскочил матерый прыщ. Косолапов попробовал лечить его народными средствами, затем аптечными, но прыщ взбесился, и с температурой под сорок Колян потопал в больничку, где его напугали до самой невозможности смертельной статистикой таких прыщей. И предложили (убедили) лечь в стационар.

В стационаре Колину задницу щедро и моментально обкололи антибиотиками. И если бы не волоокая медсестра Раечка, опомнившийся от зомбирующей прыщавой статистики Косой сбежал бы из больнички тем же вечером. Но Рая... Рая была райской птицей. К огорчению Косого, оказавшейся бесповоротно влюбленной в загорелого интерна Гоги.

Этот прискорбный факт дошел до Косолапова чрезвычайно поздно. Когда на огромной байкерской попе Коли уже практически не осталось живого места, а дело само собой докатилось до выписки.

Завьянь пошел встречать друга, пережившего любовное фиаско, не с цветами, а с фляжкой коньяку в кармане. Косой заранее предупредил, что собирается утопить больничную лавстори в ведре водяры с пивом.

Похоже – утопил. Захватив с собой и друга Борю.

«Это сколько же мы выпили-то?! А?!»

Завьялов болезненно прищурился. Он не любил ощущение искаженного сознания и напивался крайне редко, по пальцем перечесть. Если сейчас не может вспомнить, как – и за что?! – оказался в этом коридоре, побил рекорд. Раньше память ему не отказывала.

Борис приподнял голову, кривясь и морщась от каждого движения, поглядел на пол...

Внизу увидел не только терракотовые плиты пола и валяющуюся подозрительную тряпку-простынь, но и колесики.

«Я на каталке, – понял Завьялов. – Валяюсь на каталке в каком-то коридоре и был накрыт вот этой дрянью... Наверное, замерз и сам накрылся с головой».

Разглядывание пола и тряпки отобрало силы. Борис снова рухнул, вытянулся на каталке. Голова кружилась, как после длительного бега в гору. Ощущение полнейшего бессилия было настолько непривычным для тридцатилетнего крепкого мужика, что появились слезы.

«Докатился! – обругал себя Завьялов. – Довыступался! С каталки сползти не могу, лежу рыдаю, твою мать! – В забитом хлористыми больничными ароматами носу забулькали и засвербел сопли. Недавно крепкий тридцатилетний мужчина шибко разозлился: – Давай вставай, позорник! Харе лягушек разводить!»

Самокритика ожидаемо подействовала. Завьялову показалось, будто он сейчас резко оттолкнется от каталки, одним рывком восстанет...

Клешни лишь вяло поскребли каталку. Локти, зараза, подогнулись.

Сцепив зубы и поминая Косолапова нехорошими словами, Боря кое-как умудрился сесть и свесить ноги, одетые... в странные синие треники.

Застойные спортивные штаны с пузырями на коленях выглядели нереально. Не вполне доверяя разладившемуся зрению, Завьянь пощупал брючину...

Шерстяные, твою мать. Не показалось: он сидит на каталке в изгвазданных синих трениках, пошитых на социалистической картонажной фабрике во времена беспечного застоя.

«Это где же меня так приделали-то? – прикинул Боря. – Это с каким же контингентом я нагваздался...»

Загадка.

Разгадка потонула в тугом похмельном тумане после обещанного ведра водяры с пивом. Переодеть Бориса Михайловича Завьялова из купленных в Милане джинсов в замызганные шерстяные треники... пожалуй, не получилось бы ни у кого из знакомых.

И не потому что Боря привередлив – на безрыбный случай и подштанники одежда. А потому что никто из его друзей не хранит на антресолях тюки с пересыпанным нафталином тряпьем! Приятели такими портками лучше пол разово подотрут.

Так что тут головоломка для трезвой головы. Прищурился левый глаз, Завьялов прикинул расстояние до пола и, покряхтев, прыгнул с каталки.

Прыжок превратился в затажной полет! По расчетам Бориса ноги должны были встретиться с полом буквально сразу – роста в Боре почти метр девяносто. Но с каталки он летел, как первоклашка с подоконника. Как яблоко с верхушки дерева! Парашютистом с запутавшимися стропами.

Шлепок о пол прошел болезненно, Борис даже на колени опустился. А каталка от неловкого движения ушла в сторону и громко врезалась в стену.

Завьялов на мгновение замер в позе заблудившейся собаки и лишь потерянно крутил башкой: «Твою мать! Косолапов, зараза, что... три дня поил мочой напополам с антифризом?!»

Медленно, охая и хватаясь за поясицу, Завьялов встал на ноги. Пока окончательно распрямлялся, пол несколько раз пытался вздыбиться, стены ходили ходуном и расплывались. Борис тяжело рухнул плечом на гладкий стеновой кафель, закашлялся.

Поглядел вперед. Там, метрах в двадцати, из стены коридора торчал смутный белый овал неправильной формы. Почти привычно прищурился левый глаз, Завьянь опознал в нем фаянсовую раковину.

Вода! Там есть – вода!!

Завьялов оттолкнулся от стены и, придерживаясь о нее трясущейся рукой, ходко заковылял по коридору. Когда до вожаделенного крана оставалось не более пяти метров, в стене возник освещенный провал.

Но Боря упорно ковылял к воде.

Из провала показалась взлохмаченная блондинистая головка. Чуть позже показалась и вся девушка в расхристанном медицинском халатике...

Завьялов прохрипел нечто, отдаленно напоминающее: «Здрасьте, мне бы, блин, попить...»

Девчонка заголосила так, словно Боря шел ее резать! Огромным мачете, как в дешевых фильмах ужасов. Из разинутого рта девчонки несся оглушительный визг, через секунду из дверного проема показалась и вторая голова. Мужская. Вероятно, того самого парня, что девушку качественно взлохматил и халатик расстегнул.

Секунду поглядев на ковыляющего Борю, парень тоже проявил неадекватность. Громко выматерившись, схватил подружку поперек полуголой талии и втянул за дверцу, на которой прищурившийся Завьялов прочитал табличку «Не входить. Службное помещение».

А ну их на фиг. За дверцей истерила ненормальная девица, глухо басил перепуганный мужской голос... Боря-Завянь шел к цели.

На кране оказались чересчур тугие ручки. Борис подумал, что сейчас скончается от жажды... Но Небеса немного смилостивились, вода полилась скупой струйкой.

Облепив губами жадный кран, Завьялов всосал в себя первый ручеек, а когда ручка наконец-то поддалась, едва не захлебнулся. Но пил и пил. Отфыркивался, прополаскивал под тугой струей раздувшиеся щеки, топил, промывал одеревеневший, ссохшийся язык, попутно думал. Холодная вода как будто промыла не только рот, но и извилины. Они шуршали все резвее и резвее: «Не вытрезвитель, – рассуждал Борис. – Больница. Мне стало худо...»

Последним четким воспоминанием служило приемное отделение больницы, где Завянь поджидал Косого. Потом он вроде бы подумал о том, что раз уж оказался здесь, то не худо бы показаться отоларингологу и предъявить тому оглохшее правое ухо...

Вроде бы он реально подходил к пожилой тетке в белом халате, спрашивал, где разыскать нужного специалиста...

Дальше – провал. И пробуждение в темном коридоре.

«В больничке нет свободных мест в палатах? – раздумывал Борис. – Меня сгрузили на каталке в коридоре?.. Странно. Точнее, коридор какой-то странный, пустой».

Завьялов оторвался от крана и поднял голову.

Над умывальником висело зеркало. Из зеркала глядел старик.

Завьялов резко оглянулся!

В полутемном коридоре не было старика. Завянь был здесь один. Стоял, опираясь руками об умывальник, по подбородку и шее медленно стекала ледяная вода.

Осторожно, боясь поверить в сумасшествие, в присутствии глюка в глубине полированного стекла, Борис опять скосил глаза на зеркало...

В загадочном зеркальном омуте шевелилась голова.

Но рядом этой головы не было! Был только Борис Завьялов в синих тренировочных штанах и такой же олимпийке! Поверх олимпийки Завянь разглядел растянутый трикотажный жилет в полосках и оленях. Поднял глаза выше...

Лицо старика. С зеркально прищуренным глазом.

Борис поднял руку... ощупал подбородок... Пальцы еще не встретились с дряблой щетинистой кожей, а Завьялов уже знал, что он нащупает. Старик в зеркале в точности повторил его движение.

Рука обвисла и сама собой нашарила опору – холодный фаянс раковины. Горло перепоясал тугой, удушающий спазм.

Секунд сорок... или час Завянь смотрел на отражение.

Даже если представить, что в приемном покое Борис упал не в обморок, а сразу в кому, то это ничего не объясняет. Прележи он в коме хоть сорок лет, а потом очнись, то э т и м стариком он быть не может! Из зеркала на Завьялова тарашился ошарашенный дядька лет восьмидесяти с гаком, невысокого роста – не больше ста семидесяти пяти! – с вытянутым, куполообразным черепом. Почти плешивым. Даже если предположить, что в коме Боря усох на двадцать с лишним сантиметров, такого черепа у него быть не может! Не младенец же, черт побери, форму черепа уже не изменить какими-то колодками!

И нос. Чуть удлиненный, с выгнутыми, хищными ноздрями.

А у Бори с младенчества – простой и мощный румпель.

Глаза... Дьявол побери, не видно какого они цвета! Но форма и разрез не те, глаза близко посажены...

Завьялов отпрянул от зеркала, и руки потеряли керамическую опору. Будь коридор немного шире, Борис упал бы навзничь. Но так лишь налетел спиной на противоположную стену и замер, тяжело дыша.

Старик в зеркале размылся, Завьялов боялся прищуриться и отчетливо встретить такого же одноглазого визави!

Люди. Здесь где-то были люди...

Извиваясь словно червяк, прижимаясь плечом к холодному кафелю, Борис двинулся к служебному помещению. Расстояние в несколько метров преодолевал, как марафонскую дистанцию: с одышкой, помутившимся рассудком.

Добрел до двери... Рука не поднялась, чтобы удариться о полотно...

Из-за двери доносился быстрый шепот:

– Дурочка, ну успокойся, успокойся! Если нас здесь застукают, тебе просто влетит, а меня жена и тесть порвут! Давай-ка перестань реветь, ласточка моя, утри слезки...

Удивляясь, что еще способен здраво мыслить, Борис отметил, что отлично слышит правым ухом. Оно конкретно ближе к двери, недавняя глухота бесследно испарилась.

«Может быть, я все же добрался до отоларинголога... Тот мне вколол чего-то не того, и я теперь глюков ловлю?..»

– Наслушалась Мишкиных историй про оживших мертвецов... перепугалась, дурочка...

– Мужской голос за дверью продолжал вешать ласковую, увещательную лапшу на девичьи ушки. – Подумаешь – бомж ожил! Впервые, что ли? Привезли по «скорой», внимательно не осмотрели, свалили к мертвякам... У меня завтра сложная операция, а ты тут нюни разводишь...

Впечатлительная девица громко хлопала носом. Завьялов наконец-то смог поднять руку и поскрестись о дверь.

– Кто там?! – перепугано взвизгнуло сопрано.

– Я, – глухо представился Борис.

– Пошел вон, бомжара долбаный!! – прорычал баритон изменщика жены и тестя.

– Мне... как бы... – продолжил Завьялов, – помощь нужна...

– Пошел вон, я сказал!! Сейчас закрою в холодильнике и вправду околеешь!!!

Баритон явно отдавал предпочтение Гименею, а не Гиппократу. Завьялов мысленно пожелал прелюбодею попасться на горячем грозному тестюшке, заставил плечо оторваться от дверного косяка и поплелся по коридору, увлекаемый стрелочкой над надписью «Выход». Здесь ему никто не поможет. Надо добираться до н а с т о я щ и х врачей.

Стрелочки довели Бориса до огромной железной двери, запертой изнутри на плоскую задвижку. Зажмурившись, чтобы лишний раз не наткаться взглядом на грязные старческие руки с траурными каемками под ногтями, Завьялов нашарил выступающий рычажок, потянул щеколду вправо...

Еще недавно ему казалось, что «бомж» он слабосильный. Едва способный справиться с вентилем на водопроводном кране. Но рука, с неожиданной легкостью, выполнила задачу. Борис вышел в широкий, хорошо освещенный коридор. Оглянулся на дверь. И совсем не удивился, прочитав на ней табличку «МОРГ».

Приемное отделение больницы, куда залетел Косой с прыщом, Завьялов узнал сразу. Просторный современный холл с огромными окнами и сплошь стеклянной, широченной дверью. За конторкой из светлого дерева чистенькая медсестричка, уткнувшись носом в журнал регистрации. Напротив нее налег грудью на стойку тучный господин с лицом обеспокоенного родственника. За господином очередь из нескольких подобных типажей.

Над столом регистрации электронное табло часов, где красные циферки высвечивают сегодняшнее число. Время сообщило Боре, что обговоренная встреча с Косолапым должна была состояться всего-то два часа назад.

Завянь заштормило, огненные цифры слились в единый штрих...

Тут надо заметить, что когда в холле появился пошатывающийся, замызганный субъект, посетители дружно наморщили носы. Никакого гнусного запаха «бомж» Завьялов от себя не ощущал, но стереотип сработал: грязные треники, растоптанные, когда-то весьма приличные кроссовки (из помойки?) и растянутые оленьи рога и морды, не могли вызвать иной реакции в стерильном помещении больницы.

А может быть, и запах был. Естественные собственные запахи почти не регистрируются обонянием.

Завьялов даже и не попытался приблизиться к очереди, пристроиться ей в хвост. Скукожив плечи, он засунул в карманы руки и побрел на выход. Не лишним будет постоять на свежем воздухе, пока посетители разойдутся. Ходить по больничным коридорам и требовать к себе внимания – абсолютно бесперспективная задача. Дальше холла не пропустит амбал-охранник с чугунной рожей.

Борис вышел на крыльцо больницы. Полной грудью вздохнул относительно свежий московский воздух... Голова закружилась. Понимая, что может рухнуть в обморок, Завьялов медленно, придерживаясь о перила, преодолел четыре пологие ступеньки крыльца. Постоял, отдыхая и оглядываясь...

Думать не хотелось. Ничего, кроме панического ужаса, мысли не вызывали. Хотелось заорать во всю мощь старческих легких, упав на землю, заколотиться в истерическом припадке.

«Спокойно, Боря, спокойно. Твоим воплям здесь никто не поверит. Тебе нужен н о р м а л ь н ы й врач, а не психиатр, санитары, смирительная рубашка и укол в задницу. Прежде чем успеешь что-то объяснить, превратишься в овощ. Так что, Боря, ты должен вести себя максимально адекватно и доказательно». Цепляясь за собственное имя, как за спасение от сумасшествия, Завьялов отпустил перила.

Вечерние сумерки конца сентября еще не сгустились окончательно, но фонари в больничном скверике уже включили. Борис стоял возле крыльца и размышлял, кому бы позвонить, кого бы вызвать в больничку для подтверждения его невероятной «истории болезни». Здесь нужен друг, чьи интимные тайные знает исключительно Борис Михайлович Завьялов, кто достаточно раскрепощен, чтобы п о в е р т ь. Достаточно красноречив, чтоб объяснить врачам: перед ними не сбрендивший бомжара, а реально – известный автогонщик, владелец сервиса, один из лучших специалистов по техническому тюнингу...

Пожалуй, последнее можно доказать довольно просто. Пара-тройка вопросов по узконаправленной специфике чип-тюнинга все расставят по местам.

Завьялов слегка воспрянул, чуть огорчился тому, что вместо идиотской вязаной шапки с помпоном не нашел в бомжеских карманах какого-нибудь притыренного мобильника. Покрутил лысой башкой, прикидывая, кого бы раскрутить на звоночек другу Косолапову...

Нет, тот уже в штопоре, сам не адекватен и громкоголос. Звонить надо Вадику Козлову. У того предки стоматологи да и сам он парень не дебильный.

Завьялов повернулся к лавочке.

На лавочке больничного сквера, под самым фонарем, сидела е г о к у р т к а. Неповторимая, любимая, купленная в Монте-Карло, где Завьялов побывал на трибунах Формулы один: черная кожаная косуха с алыми вставками. Расписная, проще говоря, авторская, индивидуальная.

Но дело не в дизайнерских деталях. А в том, что в куртке был мужик. Он скорчился на краешке удобной деревянной скамейки и закрыл лицо руками, будто пребывал в кромешном ступоре.

– Твою ма-а-ать... – негромко выругался Борис. – Ворюга-сволочь!!

Помимо косухи, на застывшем атлете были завьяловские же джинсы из Рима!! И мокасины! Знакомые часы болтались на запястье!

Выброс адреналина подстегнул мышечный тонус, к ворюге Боря подлетел, как паровоз к заснувшей вагонетке! Схватил за ворот с о б с т е н н у ю куртку и богатырским рывком потряхнул застывшего верзилу!

– Ты где, урод, одежу спер?!! – хрипло прорычал Завьялов. Закашлялся.

Мужик поднял на Боря ошарашенное, заплаканное лицо...

Чтоб я помер маленьким, успел подумать Боря. Вместе с кожаной косухой и портками мужик украл его ЛИЦО.

Не веря левому глазу, Завьялов исследовал знакомую до мелочей физиономию. Шрам под бровью – привет из нежной драчливой юности. Парочка знакомых отметин на скулах и возле уха...

Это лицо Завьялов каждое утро видел в зеркале. Он чистил ему зубы, сбрасывал щетину, заклеивал пластырем порезы и ссадины – адреналиновый алкоголик Борис Завьялов вел нескучную жизнь, оставившую множество отметин и прочих замечательных напоминаний.

Сознание Бориса закружилось, завертелось. Он рухнул на кошмарного ворюгу, придавив его всем телом к спинке лавочки.

Голова бомжа Завьялова оказалась на плече, утянутом в мягкую теплую кожу, шея неудобно вытянулась. Попадая губами в самое ухо, Борис прохрипел:

– Ты кто такой, урод, а?! Рамсы попутал?!!

Знакомый незнакомец облапил бомжеское тело обеими ручищами, всхлипнул...

И уткнулся в олений жилетик, как в мамину титьку. Завьялову показалось, что в жилетик он не только капает слезами, но и слегка сморкается.

Чего-то странное твориться, тупо подумал Борис Михайлович. Был бы он в прежнем теле, давно набил бы похитителю всего имущества морду и ребра пересчитал. А так... висит на нем и лишь слегка и предварительно примеривается.

Примеривался долго, секунд пятнадцать. Потом неловко отпихнулся, сграбастал корявыми старческими пальцами ворот куртки и, дыша в с в о е лицо, прохрипел рефрен:

– Ты кто такой, урод?!

Урод маленько выпрямился. Испытывающе оглядел Боря в оленях и трениках, представился:

– Борис Михайлович Завьялов.

– Это я – Борис Михайлович Завьялов!!! – бизоном заревел Борис. – Это я – Завьялов!! Тысяча девятьсот ... года рождения! Проживающий по адресу...

Пока Боря перечислял факты биографии, ворюга чужой личности почти не трепыхался, внимательно выслушивал. Когда Борис свет Михайлович задохнулся от переполнявшего бомжеское естество возмущения и перешел на сиплый мат, плаксиво скривился и воскликнул:

– Слава богу, слава богу, это ВЫ!! Борис Михайлович, дорогой!!

Проходящая к приемному отделению компания из трех старушек получила возможность наблюдать престранную картину: высокорослый молодой мужчина приятной наружности тискается в объятиях затрапезного лысого дедушку в грязненьких штанишках. Дедушка отбрыкивается, лягается и нецензурно выражается. Мужчина пытается деда расцеловать в морщинистые щеки, но дед умело уворачивается.

Картина, даже для больничного сквера, занятая. Поскольку за спиной обнимающейся парочки отнюдь не психиатрическая лечебница.

Укоризненно покачивая головами, бабульки прошагали в метре от странных родственников.

– Шеи не посворачивайте, божьи одуваны, – сердечно попросил старушек дедушка-ровесник. Бабушки дружно изобразили презрительное настроение, тряхнули пакетиками с бананами, апельсинами и суповыми баночками, и поспешили дальше.

– Отвянь, – сурово попросил Завьялов свое тело.

Тело послушно выпустила Борю из объятий, заботливо одернуло оленей, воротничок олимпийки поправило и радостно заулыбалось.

– Ты кто такой? – убрав из вопроса обращение, грозно произнес Борис.

– На данный момент это не важно, – просветленно хлопая ресницами, ответило тело.

И Борю тут же вновь накрыло:

– А что здесь, сука, важно?! – Руки сами собой вцепились в куртку, потрясли тело. – Что здесь важно, а?! Может быть, температура воздуха?! Число и время?!

Простодушно и празднично тело отрапортовало: осветило поставленные вопросы в должном порядке.

– Ты издеваешься, урод? – почти без закипания поинтересовался Завьялов.

– Не понял. – Родное, искреннее лицо задрало брови вверх.

Борис вздохнул.

– Спрашиваю. В последний раз. Ты кто такой?

– Я не могу ответить на поставленный вопрос, – чистосердечно призналось тело.

– А если в репу? – задумчиво прищурился «бомж» Завьялов. Он все еще не мог понять, решится ли он выбить зубы собственной челюсти? Поставить фингал под собственным глазом. Свернуть набок с в о й многострадальный нос.

– Куда? – чистосердечно поинтересовалось завьяловское лицо. Секунду на нем отражалась мыслительная работа. – Ах, по щеке... – с облегчением завершился умственный процесс. – Я не могу. Ответить. На поставленный вопрос.

Тело горделиво выпрямилось, скрестило по-наполеоновски руки перед грудью и даже выставило ножку.

На мощном правом бицепсе тела Бориса Завьялова удобно устроился обмотанный изоляцией левый мизинец. Вчера Завьялов прищемил его болванкой. Сегодня утром погоревал, что ноготь, вероятно, слезет, но перелома-таки нет. Он обмотал ногтевую фалангу обыкновенной технической изоляцией и поехал в сервис.

«Нос можно не сворачивать», – мрачно подумал Борис, схватился за обмотанный мизинец и крепко его вывернул.

По направлению к больнице, по проспекту, мчалась карета «скорой помощи». Сирена «скорой» оглушительно рыдала. И если бы не этот вой, то, не исключено, в сквер высыпались бы не только больничные охранники, но и половина ходячих пациентов.

Завьялов никогда не думал, что его глотка может исполнять такие противные бабьи звуки! Его родное тело завивалось спиралью, неимоверно гнуло колени и голосило так, что ошалевший от визгливого концерта Боря невольно выпустил мизинец.

– Ай, ай, ай, – приседало и корчило тело, – ай, ай, как же бывает бо-о-ольно!!

Тело приплясывало и извивалось, Завьялов схватил его за шкурку и, едва не упав от тяжести, сумел как следует тряхнуть.

– Еще раз повторить? – наклоня божеское лицо к гримасничающей физиономии, прошептал в исконно родимые, выпученные очи.

Тело отшатнулось до скамейки, ударило бедром и плаксиво сморщилось:

– Не надо. Пожалуйста, не надо! От болевого шока остановится в а ш е сердце.

– Не остановится, – не согласился Борис Михайлович. – Мое сердце и не такое выдерживало.

На лице визави отразился уже знакомый мыслительный процесс. Тело кивнуло:

– Согласен. Испытывало.

– Тогда спрашиваю в самый последний раз. Кто? Ты? Такой?

– Иннокентий, – едва не разрыдавшись от унижения и боли, представился ворюга.

– Кеша, значит, – удовлетворенно кивнул Завянь и выпрямился. Некоторое время глядел на освещенные окна больницы, прислушивался к необычным ощущениям: впервые в жизни он чувствовал в левой груди неприятное теснение. Запертое в ребрах сердце колотилось о костяную решетку огромным тугим мячом. Удары отдавались в трахее, заполняли уши и даже нос.

Завьялов рванул на шее ворот замызганной футболки под олимпийкой. Продышался. Повернулся к лавочке, где расположилась его любимая куртка.

– И что ты, Кеша, делаешь в моем теле, а?

Кеша закрыл лицо руками – левый мизинец предупредительно оттопырился, дабы избежать болезненного соприкосновения с лбом, – и помотал опущенной головой.

– Я не могу, – донеслось из-под ладоней, – я не имею права.

– А я имею право? – грозно пробасил, превратившийся в бомжа Завьялов. – Я здесь на что-то имею право?!

– Нет.

Категорический ответ. Учитывая, что Иннокентий пару минут назад приплясывал на корточках, практически – безбашенный. Отважный.

– А если я тебе все зубы выбью? – Завьялов подошел к урне, установленной возле лавочки. Достал оттуда пустую пивную бутылку и, помахивая ею на манер бейсбольной биты, поинтересовался: – Тебе когда-нибудь зубы выбивали, а, Кеша?.. Это больно.

Из-под пальцев немного выдвинулся правый глаз, поглядел на вращающуюся в грязной божеской руке стеклянную дубинку и опасно предупредил:

– А это вы себе зубы выбьете, Борис Михайлович.

– Новые вставлю. Не впервой. Давай колись, придурок, иначе – врежу.

Завьялов размахнулся!

Тело взвизгнуло! Скатилось с лавочки, рухнуло на колени перед бомжом и облапило его ноги.

– Не надо! Не надо! Вы ничего не понимаете!!

– А мне нечего понимать!! Я тебя сейчас, сука, убивать буду!!

Усиливая психологическую атаку, Завьялов уподобился панфиловцу с гранатой и вздел бутылку над головой...

– Не надо!! – завизжало тело и отпрянуло, падая назад и закрывая голову локтями.

– Говори!!

– О, Боже! Я не могу! Я не имею права! Жюли этого не переживет!!

«Панфиловец» Завьялов опустил стеклянную «гранату». Минуту занял размышлениями, в результате коих предложил:

– Давай по пунктам. Ты что-то там талдычил о моих зубах, Кеша? Хочешь сказать, я могу их получить обратно?

Кеша убрал локти от лица и опасно кивнул:

– Такая вероятность есть.

– От меня что-то зависит?

– Конечно! Да!

– Что?

– В определенный час вы должны находиться в определенном месте. Больно вам не будет, обещаю.

Борис прищурился, подумал.

– А почему я должен верить, что ты не заманишь меня к каким-то сволочным своим друзьям?

– Мой бог, Борис Михайлович, – поднимаясь с земли, заволновалось тело, – я тоже своего рода пленник! Я тоже, не меньше вашего, хочу вернуться!

– Куда? – нахмурился Завьялов.

Иннокентий снова сделался упрямым. Борису показалось, еще немного и ворюга совсем забудется: примет гордую наполеоновскую позу с мизинцем на бицепсе.

Кеша оказался парнем не промах: ручки он таки скрестил, но пальчики благоразумно упрятал под мышками.

– Своим ответом я нанесу вам вред.

– Тайны, значит, – нахмурился Борис. – Смертельные секреты.

– Именно так, – напыщенно кивнуло тело-Кеша.

– И чем это грозит?

– Вам или мне?

– Обоим, идиот!

– Вы... вам лучше об этом не знать. Я – получаю поражение в правах.

– Каких? – искренне удивился Завьялов.

– Вам лучше этого не знать. Вы просто будете выполнять мои рекомендации, и все будет в порядке.

Если бы совсем недавно Кеша в его куртке и теле не рыдал на лавочке под фонарем, Завьялов, вероятно, проявил бы осторожность. Все друзья считали Борю умным парнем. Того же мнения придерживались и преподаватели во всевозможных учебных заведениях.

Завьялов понимал, что существуют тайны, к которым лучше не прикасаться даже краем. Убью точнее пули! Держись от них подальше.

Но Кеша, даже в его теле, выглядел абсолютным ушлепком. Знакомые девушки в унисон твердили, что Боря свет Михайлович исключительно брутальный типаж, мачо, так сказать. Мачо с Иннокентием внутри превратился в заурядную половую тряпку. В сопливую кликушу. Ботаника с чужого плеча. Мокрую курицу с накаченной задницей. Какого-то педрилу, если говорить совсем уж честно.

– Послушай, Кеша, – подходя к телу вплотную и похлопывая по спине, ласково произнес Завьялов, – я не вчера родился...

– Вы родились в одна тысяча девятьсот...

– Не отвлекайся на фигуры речи! – прорычал Завьялов. – Слушай молча.

– Угу.

– Так вот. Я не вчера... Черт! Короче. У тебя что-то пошло не так, Иннокентий. Я прав?

– Угу, – опять кивнуло тело.

– У тебя что-то пошло не так, – задумчиво повторил Борис. – Есть вероятность, что мы не выпутаемся?

Тело невразумительно повело плечами.

– Значит, есть. Паршиво. Ты можешь связаться со своим... начальством и сообщить о произошедшем сбое в программе?

Кеша замотал головой.

– И что нам делать?

Завьяловское лицо, руководимое изнутри мокрой курицей, изобразило намек: мол, а я вам, господин хороший, уже докладывал: «Будете паинькой, все разрешится ко всеобщему удовлетворению».

– Твоими бы устами, – пробормотал Борис. Печально поглядел на освещенное крыльцо больницы, где ему навряд ли помогут, и приказал: – Карманы выворачивай, Иннокентий.

– Чего?

– Бабло, ключи от тачки и мобилу доставай, ушлепок!

На мобильнике стояло четырнадцать пропущенных вызовов и десять СМС, половина из которых принадлежала перу изобретательного в лингвистике Косолапова. Борис на ходу, скорее, прочитал послания, машинально хмыкнул над наиболее изощренными эпистолярными оборотами.

Получалось, что Кеша трубочкой не баловался, на вызовы не отвечал, и это обнадеживало. Завьялов убрал мобилу в карман олимпийки и подошел к заснувшему на больничной парковке круто тюнингованному «порше».

Безупречные линии спорткара сочетались с оленями и замызганными трениками до безумия сюрреалистично. Завьялов представил, как растоптанные бомжеские кроссовки (из помойки!) будут прикасаться подошвами к чутким, безупречно послушным педалям. Трагически поморщился. Покосился на знатно разодетого Иннокентия в итальянских штиблетах... Тело-Кеша жадно разглядывало автомобиль.

Да лучше сдохнуть, чем доверить родимую тачку э т о м у родимому телу!

Завьялов нажал на клавишу авто-брелока, заставил двигатель очнуться. Распахнув водительскую дверцу, буркнул:

– Залезай давай, ушлепок.

– А можно не ругаться? – разобижено поинтересовался Иннокентий.

Завьялов представил, что ругает самого себя, и кивнул:

– Лады. Запрыгивай, Кешка. Домой поедем.

По дороге к дому Завьялов философски размышлял о прихотях злокозненной судьбы. Частенько отвлекался на Кешу, почти расплющившего нос о боковое стекло: Кеша разглядывал московские улицы с непосредственностью любопытного ребенка.

«Откуда же ты взялся, такой дикий?» – думал Завянь, удивляясь ни сколько Кешиной реакции, сколько самому себе в бомжатском теле.

По идее, Боря должен был сейчас биться головой о больничную стену и кусать ворот смиренной рубашки. (Или Иннокентия лупить!) А он, в обличье старика, преспокойно катит на «порше» до дома. Наблюдает за своим телом, за Кешей, как за неисследованной зверушкой...

Чудеса и выкрутасы здоровой психики. Завьялову понадобилось полтора часа, чтобы обвыкнуться в новом теле, которое становилось все более послушным. Час, чтобы разложить по полочкам последовательность действий. Пять минут, чтобы остановить «порше» у обочины, выйти из салона и через приятелей узнать, точнее, вспомнить, вычеркнутый из жизни и адресной книжки мобильный номер Сухотского.

– Алло, Сухой.

– А-а-а... – в этот момент Сухотский, вероятно, монтировал воедино незнакомый голос и высветившийся на мобильнике номер Завьялова, – это... кто?

– Привет из позапрошлого года, Сережа. Из двадцать третьего февраля в «Пивных Традициях».

– Завянь, ты что ль?!

– Много текста. У тебя – е с т ь? По адресу забросишь?

– Боря?.. Борь, да ты что?! Я ж завязал давно!! – Голос Сережи сорвался на испуганный фальцет, перешел на трагический шепот: – Ты чо, Завянь, я уже сто лет не в теме...

Тут скажем прямо, что испуг Сережи родился не на пустом месте. В позапрошлом феврале Завьялов уже как шесть месяцев жил с девушкой. О предложении руки и сердца всерьез подумывал. Лёля, встречая внука без Маринки, даже спрашивала: «А где твоя звероватая амазонка?» Маринка сумела поладить с Лелей, невзирая на диаметрально противоположные мировоззрений-предпочтений. Пожалуй, даже подружилась.

Но внук однажды поймал Маринку-амазонку в ванной комнате над кокаиновой дорожкой с трубочкой из сотни баксов в носу.

Морду сразу не набил. Попробовал внушать.

Нарвался на непонимание.

– Завянь, я не из поклонников пивного клуба! Меня тошнит от алкашей, от твоего Косого, воняющего скумбрией! Сейчас все, Завянь, все так живут!!

– Это кто же так живет? – спокойно поинтересовался Завьялов.

– Все! Ханку жрут одни дегенераты!

– Значит, и я – дегенерат?

– Ну-у-у... – Марина покрутила в воздухе тонкой сильной ладонью...

– Послушай, милая. С моими дегенератами, сколько бы они не выпили, можно разговаривать. Понимаешь? Разговаривать, б е с е д о в а т ь. А с твоими обкуренными обсосками, о чем трещать-то? Они же овощи, Маринка. Овощи! Хихикающие, прыгающие, стеклянные, без разницы. У них мозги в кашу, о чем можно разговаривать в овощехранилище?! В пустую стену башкой стучаться, да?! Косой после первого стакана только речевые обороты набирает, а твои торчки уже мозги ботвой накрыли! Это мне, понимаешь, мне не о чем базарить с обкуренными дебилами! Я не лягушка, чтобы над болотом квакать!

Через знакомых Завьялов выяснил, кто снабжает Маринку дурью. Совсем не удивился: у Сухого половина московских центровых паслась на «травке» и «снежке». Выловил Сержа у клозета в «Пивных Традициях» и коротко внушил:

– Еще раз услышу, что ты Маринке кокс толкаешь, наматаю причиндалы на гаечный ключ и вырву с корнем.

Сухой проникся моментально и поверил каждому слову. Знал недоносок: Боря-Завянь слов на ветер не бросает.

Услышав в телефоне просьбу от Завьялова «пригнать по адресу», подумал: «Вот о н о... пришло». Точнее, прилетело.

– Сережа, – ласково проговорил неузнаваемый по голосу Завянь, – я не спрашиваю тебя в теме ты или нет. Я тебе говорю – привези. Ты отвечаешь «когда и сколько?» и бежишь исполнять. Вкурил?

– Вкурил, – громко сглотнув, подтвердил Сухотский. – Когда и сколько?

– Через... – Завьялов на секунду задумался. – Через два часа. На одну понюшку. Адрес знаешь?

– Угу. А... это для тебя, Завянь?

– Много текста, Серый. Через два часа скажешь консьержке, что привез журнал. Океюшки?

– Яволь.

Завьялов произвел отбой. Пару секунд постоял перед «порше». Поскреб щетину и пошел к водительской двери.

Кеша, пытавшийся заинтересованно подслушать разговор из запертого салона, извелся нетерпением. Мрачный «бомж» Завьялов сел за руль. Направил на себя зеркальце заднего вида, включил освещение салона и ощерил в зеркало зубы.

Сюрприз. У бомжа оказались хоть и прокуренные, но в целом недурственные зубы. Боря пошире разинул пасть...

Батюшки. И пломбы не железные, практически неразличимые!

В интересного бомжа меня «одели», возвращая зеркало в нормальную позицию, подумал Завьялов. Еще раньше он слегка удивился обстоятельству: ноги бомжика уверенно обращались с автомобильными педалями. Борис даже слегка расслабился, убедившись в достойных мышечных реакциях изношенной бомжеской системы...

Теперь еще и зубы в приличном состоянии.

Занятно. И очень кстати.

Уверенно воткнув «порше» в автомобильный поток, Завьялов покатил в знакомый магазин. По пути проинструктировал затихшего Иннокентия:

– Сейчас мы приедем в магазин, Кеша. Там ты с уверенной рожой скажешь девчонкам: «Привет, красотули, прикиньте-ка нехило моего дядю из... Конотопа, например. Пригласите Аркадия Генриховича, пожалуйста, работа – для него». Попозже накидаешь им в уши историю: «На вокзале дядю обокрали. Раздели. Побили. В ментовке добавили – сутки дядя просидел в приемнике». Усёк?

Кеша быстро пробормотал историю про дядю и поинтересовался:

– А это зачем?

– А затем, родимый, – вздохнул Завьялов, – что мне как-то надо жить в этом теле. Желательно – одетым.

– Аркадий Генрихович, это – кто?

– Легенда, – хмыкнул Боря.

Лет восемь назад Завьянь привез в одежный магазин Аркадия Генриховича вусмерть пьяного жениха. Жених перегулял на мальчишнике, когда отправился за невестой – не совладал с желудком.

До процедуры получения с рук на руки невесты оставалось меньше часа. Костюм воняет и цветет разводами вчерашнего салата оливье. Свободную жизнь жених пропивал на совесть – три дня, две ночи. Мальчишник закончился в каком-то диком шалмане со стриптизершами, под оливье не установленной свежести.

Завьялов выгрузил тело жениха перед салоном кудесника Генриховича, транспортировал фигуру до примерочной и кратко информировал:

– Аркадий Генрихович, друг любезный, выручайте. Эту пьяную харю ждет взвод потенциальных родственников из первой полусотни «Форбс». Ежели профукаем невесту – повесится на первой же березе.

Владелец магазина проникся речью, оглядел фигуру, мгновенно вычислив размер, и щелкнул пальцами продавщицам:

– Девочки в примерочную коктейль номер пять. Ирина, готовь ботинки из последней коллекции...

Через восемнадцать минут в отмытый салон лимузина усаживался совсем другой жених. В костюме от лучшего лондонского дома, в удобных итальянских лаковых штиблетах, благоухающий отнюдь не оливье.

... – Возьми кредитку, Кеша. И не вздумай стоять глазки продавщицам! Они девицы – вышколенные, мы парни – независимые. Когда легенда будет набивать пакеты, о ценах – ни гугу. Я в магазине ничего примерять не буду, скромным обворованным дядюшкой из Конотопа постою в сторонке, в носу поковыряю.

Следующий инструктаж прошел уже в машине, знатно набитой приличными картонными пакетами. Чародей Аркаша не подвел, прикинул конотопского дядюшку вплоть до трусов и шейного платочка.

– Сейчас, Иннокентий, мы войдем в мой дом. Поздороваешься с консьержкой: «Здравствуйте, Полина Викторовна». Далее – по отработанному тексту. Дядю обокрали, побили, он два дня не жрамши. Если дядя будет приходить ко мне – пускайте без звонка, у него есть ключ. И кстати. Пакетики не забудь помочь донести престарелому родственнику...

* * *

Знакомая до мелочей трехкомнатная холостяцкая берлога как будто увеличилась в размерах. Потолок улетел ввысь, дверные ручки упирались в бок выше зоны талии и постоянно цеплялись, попадались в рукава растянутой олимпийки...

Низкорослым прибитым найденьшем Завьялов растерянно бродил по комнатам и заставлял себя не сосредотачиваться на гнусных ощущениях горошины, попавшей из кофейной чашечки в графин.

Жесть! Как все паршиво изменилось... Стало чужим, несоразмерным, непривычным!

Подобное ощущение Завьялов уже испытал в «порше». Но там он, скрипнув зубами, отрегулировал водительское кресло и бдитительно следил, чтоб машинально не промахиваться мимо рычагов управления.

С квартирой этого не сделаешь. Потолок не приспустить. Высоту дверных ручек тоже не отрегулируешь. Любимые тапки не ушьешь на скорую руку.

Раздраженно поглядывая на беспечно прогуливающегося по трехкомнатным просторам Кешу – себя, себя, себя!! – Завьялов с трудом удерживал в гортани рычание. В горле клокотала, закипала ненависть к родному телу, хотелось вцепиться ногтями в собственную грудь, разодрать ее на части и – вынуть! Вытащить оттуда существо, занявшее чужое место!

Завьялову казалось, что квартира предала его. Впустила и приняла чужака, позволила себя разглядывать, как «плечевая» проститутка на шоссейке! Отдалась – задаром развалилась! Изменила старому, нет, НАСТОЯЩЕМУ хозяину за здорово живешь!

Завьялов никогда не страдал вещизмом. Реально обалдел, когда почувствовал ревность – пальцы тела-Кеши прошли по кнопкам пульта управления музыкального центра.

Его, его центра! Кеша вроде бы пытался запустить проигрыватель, на котором ЕГО «битлы» стояли!

– Не трогай, – глухо произнес Борис. – Ничего здесь – не трогай.

– Почему? – удивленно обернулось тело. – Вы думаете, я здесь что-нибудь сломаю?

Завьялов закрыл глаза, мысленно сосчитал до десяти и только тогда, поглядев на стену мимо родимого лица, размеренно проговорил:

– Давай договоримся сразу, Иннокентий. На м о е м п о л е, ты играешь по м о и м правилам. Если я говорю: «Не трогай», значит, на это есть причины. Сядь на диван. Можешь включить телевизор. И молчи, пока тебя не спросят. Усек?

– Угу. – Тело-Кеша послушно опустилось на диван. Поглядело вокруг. – А как включить этот... телевизор?

Собравшийся уйти из гостиной Борис остановился. Вопрос был неожиданным, так как на журнальном столике, на самом виду, лежал пульт управления. Похититель чужой собственности сюрпризы подносил – мешками.

– Пульт перед тобой, – пристально наблюдая за движениями еще недавно собственных серо-стальных глаз, проговорил Завьялов.

Зрачки сновали по сторонам и никак не останавливались на прямоугольнике с кнопками.

– Ты телевизора не видел? – хмуро поинтересовался Боря.

– Ну почему же, – пожало плечами тело и вольно раскинуло руки по спинке дивана. – Видел, конечно. Только не такой.

– А какой? – Завьялов встал напротив дивана, задумчиво набычился.

– Мы переходим на м о е поле, Борис Михайлович, – знакомое до мельчайшей черточки лицо сложилось в ухмылку.

Боре жутко захотелось хотя бы шелобан в родной лобешник отвесить.

Сдержался.

Повернулся на пятках к арке-выходу, пошел в прихожую. До прибытия Сухого с понюшкой в пакетике оставалось сорок пять минут, а надо еще бомжеское рыло по мере возможности облагородить. Учитывая, что скорострельными банно-прачечными процедурами здесь не обойтись, – цейтнот.

В прихожей, напротив сплошь застекленного платяевого шкафа, стояла тумба с выдвижными отделениями. В приличных семьях в подобных ящиках хранят перчатки, складные зонтики, запасные ключи и даже гостевые тапочки. Завьялов называл вместительную верхнюю ячейку привычным автомобильным термином «бардачок». Там валялись – порой годами – многочисленные мелочи, оставленные в холостяцкой берлоге хитроумными подружками в качестве предлога. «Борис, я у тебя браслетку позабыла... Зайду?» «Боренька, тебе не попаладась моя любимая помада?» «Завянь, я не могла у тебя оставить очки? неповторимые перчатки? бюстгальтер из Парижа!! рыдаю-пропадаю – бусики забыла!..»

Перчаток – парами и поодиночке, – бусиков, браслетов, туши для глаз, шарфиков, духов и прочей нежной дребедени набралось за годы холостяцкой жизни множество. Если бы Завьялов хранил еще и копеечные расчески, зубные щетки, носовые платочки, разрозненные чулки и тому подобное, давно бы выделил под дребедень отдельный шкаф. Но по дну ящика он позволял елозить лишь приличным побрякушкам и исключительно чистым предметам дамского обихода.

Борис выдвинул ящик на всю длину. Достал вместительную косметичку амазонки – горячка Маринка так за ней и не явилась, – поковырялся в отделениях. Выловил несколько баночек и тюбиков с названиями «маска», «скраб», «гель для век», «бальзам для губ»... Подумал. Присовокупил еще и тоник.

На ванной полочке у раковины Завьялов хранил скромный джентльменский набор из лосьона, геля и пены для бритья. Но лицо бомжа простым набором не облагородить. Его, пожалуй, надо драить пемзой и предварительно вымачивать.

Борис вздохнул, отнес баночки и тюбики в ванную комнату. Вылил на дно ванны полфлакона шампуня, для создания пены включил воду на всю мощь. Вернулся в прихожую и встал перед огромной зеркальной дверью шкафа.

Пришла пора знакомиться п о д р о б н о.

Сбрасывать бомжескую одежду на чистый кафель ванной Борис побрезговал. Вот уже три часа он постоянно прислушивался к телесным ощущениям, приглядывался, искал между пальцев отметины и признаки чесоточного клеща. Ждал, когда начнется зуд в паху или на лысой голове... Вспоминал есть ли дома запас одноразовых бритвенных станков – пах, вероятно, брить придется...

К разоблачению Завьялов приступил, как к хирургической операции. Резко сделал первый обнажающий надрез: сбросил трусики вместе с трусами!.. Стремительно скинул олимпийку вместе с оленями и нижней футболкой!

Прищурил левый глаз.

В огромном зеркале напротив стоял сухощавый старик с «деревенским» загаром: молочно-белыми, местами синеватыми ногами, загорелыми до черноты шеей, руками и грудью в местах, где заканчивалась майка-«алкоголичка». Обвисшая морщинистая кожа обтягивала весьма упругие мышцы, под тонкими складочками на животе угадывался – чтоб мне сдохнуть! – пресс. Реальный, с кубиками мышц.

Нормально.

А вот брить здесь уже нечего. Хотя когда-то бомжик был, мгм... не слабым парнем...

Завьялов поднял руки, покрутился, оглядываясь на старика через плечо...

Отстойных или тюремных татуировок нет. Синяков не наблюдается.

Занятный бомж.

Если б не одежда и грязные, неухоженные руки с черными ногтями, Борис подумал бы, что ошибся. Старикан не бомж. Тело он содержал в порядке: кожные складки не заросли впечатляющим слоем жирной грязи, кривоватые бледные ноги под носками тоже оказались довольно-таки чистыми. Растрескавшиеся пятки, при прочем общем великолепии, полнейшая ерунда.

Судя по тому, что брюхо не болит и не подводит, старикан питался не с помойки... И зубы, кстати, чистил.

Так может быть, не бомж? Пошел приличный старикан на прогулку, упал, скатился в лужу. Его за бомжа приняли – ведь документов нет, на «скорой» до больницы отвезли...

Завьялов поднял с пола грязную одежду, расправил на весу штаны, как следует оглядел олимпийку.

Одежда пестрела пятнами различной давности. Если бы «приличный» старикан единой свалился в лужу, то это было бы заметно. Но олимпийку и треники застирывали многократно и небрежно, замызганная шапочка с помпоном залапана грязными ручищами...

Борис оставил размышления-предположения на потом, быстро – время поджимало – убрал бомжеские вещички в большой пакет, забросил его в угол и, высунув в гостиную только голову, сказал телу-Кеше:

– Я мыться. Если буду еще в ванной отмокать, а в домофон позвонят и скажут: «Привезли журнал», прикажи впустить, получи что принесли и лишнего не разговаривай. Придет Серж Сухой, дай ему вот эти деньги и выставь. Понял?

Родная голова изобразила кивок с достоинством:

– Угу.

Но Боря не поверил. Если б три часа назад ему сказали, что он может выглядеть ушлепком на двести процентов, набил бы морду шутнику.

Бомжеское тело опустилось в горячую воду, как кусок рафинада в стакан с кипятком: блаженно растворилось. Разнежилось под шапкой пены, вытянуло ножки-ручки, подмышки поскребло и подбородок почесало...

Запах хорошего шампуня ублажал ноздри, Завьялов томно прикрыл глаза, приготовился к десятиминутному релаксу-отмоканию...

Не получилось. Появился странный и требовательный внутренний зуд: бомжескому телу чего-то явно не хватало. В груди возникло странное теснение – вроде бы не от сердечной недостаточности? – тело требовало чего-то привычного, необходимого и важного. И этого необходимого хотелось ТАК, что подвело желудок. До тошноты. До спазма. До головокружения. Тело ТРЕБОВАЛО дополнить существование неким фактором...

«Спиртным!» – с гадливостью поморщился Завьялов. Его угораздило очутиться в теле алкаша! Пропойцы, готового за стакан портвейна последний метр жилья отдать! Бухарика, уже пропившего свою жизнь и настойчиво молившего «нового жильца» повторить подобную ошибку.

Борис крепко стиснул кулаки и зубы, отправил внутрь себя рычание: «Не выйдет. Не выйдет, слышишь, ты урод! Я лучше сдохну от инфаркта в этой ванной, чем налью тебе хоть рюмку!! Я лучше завтра в погребальную контору съезжу и похороны оплачу, а послезавтра в бетонную стену врежусь! Я лучше...»

Тело изнывало и корежилось. На лбу Бориса выступил пот, свело скулы, желудок чуть не вывернуло...

«ПОШЕЛ ТЫ К ЧЕРТУ!!!»

Завьялов сел. Взял в трясущиеся пальцы щетку-скребок, которым отдраивал руки после возни с автомобильными движками, и начал зло скрести ногти, кожу в пятнах старческой гречки...

На глаза наворачивались слезы. Завьялов скреб доставшееся ему тело с остервенением злобного конюха; сдирал со шкуры обломившейся ему клячи остатки прошлой жизни. Мочалкой выбивал спиртную дурь!

В какой-то момент показалось, что переусердствовал: в ушах застучал сумасшедший пульс кровотока, в носу как будто шар раздулся...

Борис отбросил мочалку. Открыл сливной клапан ванны и осторожно перебрался через край. Медленно, придерживаясь стены, доплелся до душевой кабины в углу.

Он вообще чрезвычайно редко залезал в наполненную ванну. Предпочитал контрастный душ, стремительные, как его жизнь процедуры.

...Холодная вода вернула тело в норму. Борис домывался уже в кабине.

Тело почти подчинилось новому хозяину, о рюмочке уже не намекало. Легкий тремор пальцев Борис списал на недавнюю ярость.

Прежде чем выйти из ванной комнаты, Завьялов нанес на морду лица густой зеленоватый слой тонирующей маски. Едва не плюнул в зеркало – такая гуманоидная харя там сидела! Одед банный халат, в коем утонул от макушки до пяток, и вышел к Кеше.

Хорошо, что не упал.

На диване, перед уже включенным телевизором, сидело НЕЧТО.

На мимолетный взгляд – вполне Завянь. При трезвом рассмотрении...

– Ты что с собой... со м н о й наделал, дятел долбанутый?!!

Пока Завьялов драил щеткой ногти, Иннокентий тоже не сидел без дела.

На журнальном столике перед ним лежала распахнутая косметичка Маринки и кое-что еще из «бардачка»: пара тюбиков помады, тональный крем, духи и тушь.

Если б Кешу равно заинтересовали и чулки... совсем Завьялов родное тело, конечно же, не удушил бы этими чулками, но вариантов и без удушения хватает. Связать, к примеру, мог вполне.

Тело-Кеша испуганно и нежно дотронулось ладошкой до ежика волос, вздыбленного укладочным гелем с фиолетовыми блестками... Отдернуло руку, словно укололось. Обиженно округлило глаза: а в чем, собственно, проблема, старичок?! Я вроде бы – старался!

По сути дела – правда. Постарался он на славу. Подвел глаза и брови, румянами побаловался. Губы подчеркнул карандашом и слегка растушевал, поддал немного земляничного блеска.

Борис Завянь его трудами превратился в дивно румяного, глазастого и губастого юношу лет двадцати пяти. Из кордебалета.

Когда Завьялов унюхал еще и (реально и невинно) позабытые духи своей бухгалтерши Людмилы Константиновны... Его совсем накрыло!

... – А что?! А что такое?! – Тело-Кеша шустро бегало вокруг дивана. Низкорослый «бомж» Завьялов пытался зацепить его рукой через спинку, но постоянно промахивался, пару раз падал. – Я выбрал неправильный тональный крем, да? Помаду?! Тушь?!.. А-а-а, отпустите, вы больно щиплетесь! Чего вы так разозлились-то?!

Минуты через две запыхавшийся Завьялов, тяжело опираясь руками о колени и глядя на тело-Иннокентия исподлобья, просипел:

– Ты чо... придурок. Смерти лютой ищешь?

Тело широко развело руками и вздело плечи до ушей.

– Не понимаю. Не понимаю, на что вы взелись! Я взял вашу косметику без спросу, да? Я что-то...

– Какую мою, лошапед ты стобанутый!! Какую – мою?!

– Из тумбочки. – Тело-Кеша пугливо вытянуло палец в сторону прихожей.

Кряхтя и охая «бомж» Завьялов добрел до кресла и рухнул в него древней колодой.

Действительно. Чего он взелся? Лошапед Иннокентий увидел полный ящик бабского дерьма и что он должен был подумать?

Подумал, что Боря-Завянь каждый день перед выходом из дома марафет наводит. Земляничным блеском губы мажет. Тем более что гонялся Завянь за собственным телом с зеленой тонирующей масочкой на бомжатской харе и до сих пор не знает, как воспринимать захватчика – он или оно?

Н-да. Умора. Заснять на камеру, все кореша со смеху подохнут.

– Ты хотя бы брови мне не выщипывал? – хмуро разглядывая размалеванный «кордебалет», поинтересовался Боря.

– Ой. – Иннокентий приложил пальцы к груди. – Забыл. Мне надо было вам, Борис Михайлович, оформить брови?!

До гостинной доносились звуки: под душем прополаскивался и отфыркивался Иннокентий в чужом теле. Завянь его предупредил, что ежели по возвращению из душевой кабинки учует от него хоть чуточку богатых духов бухгалтерши Людмилы Константиновны – покончит его жизнь своим самоубийством.

Тело старалось. Отмывалось.

Завьялов потуже запахнулся в халат – отмытое бомжеское туловище подмерзло. Погоревал о том, что в шикарном салоне Аркадия Генриховича нет отдела домашней одежды. Халат – великоват, в подмышки поддувает. Завянь вообще халатами практически не пользовался. Ходил после душа голышом или, на крайняк, полотенце на бедра наматывал. А тут даже о капюшоне на лысой черепушке помечтал.

От двери донесся звонок домофона.

«Черт!» – всполошился Завьялов. Сухой уже притопал, а Кеша в душе!

Пролетая к двери мимо зеркальной двери шкафа, Завянь на секундочку затормозил и оглядел облагороженную харю на предмет предательских остатков тонирующей маски.

Быстро наслонявил палец и удалил, оттер зелененькое пятнышко от уха.

– Да, Полина Викторовна. Журнал принесли?.. Пускайте.

Сухой просочился в квартиру, как разведчик во вражеский генштаб.

С оглядочкой. На цырлах. Бдительно придерживая карман тысячедолларового пиджака. Беззвучно ступая ботиночками по той же цене.

– Мгм... мне бы это... Борю...

– Давай что принес, – без лишних словопрений буркнул приведенный в божеский вид «пропоица», – Боря в душе.

– Ага, ага... – тонкие губы Сержа зазмеились сладенькой улыбкой. Тело-Кеша мылся громко. Что-то напевал. – Но мне как бы...

– Дурь давай, – строго произнес Завьялов, на что Сухотский приподнял брови. – Я родной дядя Бориса, он мне велел забрать у тебя «журнал».

– Но я бы хотел...

Старикан в великом размера на три халате впечатления на Сержа не произвел. Покрутив головой и шмыгнув красным носом, Сухой обошел утлого старпёра, выглянул за арку в гостиную... Услышал за спиной совершенно завьяловские интонации:

– Ты чо, глюколов, нос «припудрил» и совсем, в натуре, нюх потерял?

Сухотский машинально втянул голову в плечи. Оглянулся: в прихожей только старикан, Завянь в душе распевает.

– Да что вы, дяденька! – изобразил смущение на всякий случай. – Я как бы к Боре с разговором...

Дяденька протянул глюколову хрустящую зеленую бумажку и буркнул:

– Ченч, Сухотский. Меняем и отваливай.

Сухотский деликатно оттолкнул дедовскую руку с денежкой.

– Мне надо с Завянь потолковать. Он обещал мне тачку выправить...

– Свистеть перед девочками-малолетками будешь, – оборвал Завьялов. – Никакую тачку Боря выправлять не обещал.

– Но я только как бы перетереть хотел...

– Ты вначале Арсену бабло за покалеченного «мерина» зашли. А потом о других делах перетирай.

Глаза непонятого старикана буравили Сухотского непримиримо и пронзительно. Сержу показалось, что он реально чего-то сегодня попутал – либо с дозой, либо с нервами. Поскольку небывало странное раздвоение имело место: глаза видят старика, а уши слышат, печенка ошущает – Борю.

«Да ну их на хер этих родственников!» – подумал Серж, произвел обмен пакетика на деньги и был таков.

После ухода Сухотского Борис сходил на кухню и вымыл руки. Сухой представлял из себя наиболее мерзкий тип наркодиллера: сам «сидел» крепче некуда и других вовсю подсаживал.

– Разгребусь с делами, выполню намеченное: уработаю урода, – не заметив, что разговаривает вслух, пробормотал Завянь. – И Коля впишется с огромным удовольствием.

В пай-мальчиках Завьялов никогда не числился. Избыточными приступами ханжества тоже не страдал: в нежной юности Завянь попробовал в с е. И если уж совсем по-чесноку, с Маринкой-амазонкой расстался совсем не из-за дури. Все как-то вдруг само собой разладилось. Он начал замечать разбросанные вещи. По утрам – потеки туши на неумытом с вечера лице и в обязательном порядке подгоревшую яичницу. Нечищеную обувь, измятую блузку, громкий хрипловатый хохот стал бить по ушам назойливо и резко...

Что было изначально – прозрение или подозрение, не угадать. После происшествия в ванной Завьялов начал пристально приглядывать за подругой; взгляделся – обмер: что их связывает?!

Обоюдная безбашенность – любовь к экстриму?

Незабываемый момент, когда после дикой гонки по трассе, вылезая из спорткара и целуешь девушку сбежавшую к тебе с трибуны? От вас одинаково, чуть по-звериному, разит адреналином. Ее хриплый хохот отзывается в ушах, как продолжение гонки, рычание мотора. Она сама рычит и виснет, твои руки стискивают ее ловкое тело крепко-крепко, как руль, как рычаги! Она не стонет и не охает, а радуется и вопи-и-и-ит!!!

Подруга. И единомышленница. Ее заводит то же, что и тебя.

Но гонка была на прошлой неделе. А твой гоночный костюм три дня, будучи уже выстиранным, провалялся в стиральной машине и буквально протух. Закис, как половая тряпка.

Его нужно было элементарно вынуть из машины и развесить!

Ты многого не требуешь!

Но тебе не дают даже этой малости. Не устаивают. Так как ПОДРУГА – не прислуга.

И появляется досада: ты не заслуживаешь мало-мальски крошечных усилий.

Паршиво. Завьялов чувствовал себя сексистом-шовинистом, но ничего не мог с собой поделать. Его стала раздражать любимая звероватая амазонка. Она стала исключением в черед его любовниц. Он с испытанием – не справился.

И тем признанием ее утешил.

...Завьялов тискал в отмытой бомжеской руке пакетик с невесомым порошком: каждый раз при упоминании любой дури на него накатывали воспоминания об амазонке. О Маринке. Он думал о Маринке, хотя имел и собственный единичный опыт общения под коксом.

Лет семь назад Завьялов залетел на крутую тусу. В то время у него была девушка, мечтающая о славе Спилберга: подруга с камерой не расставалась даже в туалете, сидела на толчке не с газеткой, а с камерой беседовала, делилась впечатлениями. Она радушно предложила Борису втянуть внушительный кусок «дорожки», он, не шибко думая, поддался.

На следующий день...

– Завянь, зацени какой ты здесь прикольный!

Боря глянул на цифровой экранчик камеры... И стиснул зубы.

Вчера ему казалось, будто он насквозь веселый и раскрепощенный прожигатель жизни. Он заразительно ржал над собственными шутками, изображал убойный танец живота, перещеловал всех девочек, шампань глушил из горлышка... Но в основном болтал.

Вчера казалось – изрекал.

На следующий день, прослушав то, что н ё с, едва не поседел от ужаса! «Поразительные» сентенции зазвучали убудочным мычанием. Шутки переозвучились в низкопробную, слюнявую пошлость. Приставание к хохочущим девицам и танцы...

Захотелось удавиться.

Но опыт был получен. Как ни крути, узнал: под коксом он звенит ведром и веником молотит – не удержишь. Сегодня, уже зная, как на него воздействует этот наркотик, Завянь решил раскрепостить пришельца Кешу знакомыми реакциями родного организма. Спиртное Бориса на безудержную болтливость не слишком подвигало, для разговора по душам потребуется литр. Но жаль травить собственную печень. Да и зачем терять время на накачку, если есть иная, действенная метода?

Кеша смотрел на дорожку из белого порошка и обрезок широкой трубочки для коктейля, как неандерталец на шампур:

– Это... то, что я думаю, да? Или...

– Это то, что ты думаешь, Кеша. Вставь трубочку в нос, зажми одну ноздрю, втяни...

– Борис Михайлович... – пораженно прошептало тело-Иннокентий, – я никогда не слышал, чтобы ВЫ...

– Враки, Кеша, враки, – убедительно соврал Завьялов. А сам подумал: «Любопытно. Кеша собирал про меня информацию? Ее кто-то для него собирал?... Черт, такая работа – дорогого стоит...

Тогда какой здесь выхлоп? И стоит ли соваться?!»

Но Иннокентий, с удивительным послушанием, уже «пылил» ноздрей. Реакция – пошла. Причем стремительно. На мягкий подголовник дивана откинулся уже совсем другой «Борис Завьялов»: задумчивый улыбчивый ушлепок.

Завянь дал телу время на полноценное погружение в нирвану. (Болтливость нападёт немного позже, сначала мы чуть-чуть поулыбаемся.) Ласково поглядел на собственный разомлевший организм и приступил с простейшего вопроса, для смазки и разгона, так сказать:

– Кеш, а Жюли красивая?

Тело шлепнуло ресницами, причмокнуло губами:

– Божественно.

– Ты ее любишь?

– Угу.

Разговор пока что клеился и продвигался – вяло. Кеша безвольно плыл по кокаиновой волне, водил глазами по потолку...

– Кеш, а Жюли – кто? – чувствуя себя папашей Мюллером, применившем на допросе изощренные методы давления, поинтересовался Боря.

– Моя жена.

«Ого! Не дай бог, реально – наша! – Борис стремительно прогнал эту мысль по голове: – Жюли, Жюли... Проститутка, что ли? Эскорт? Нет, не эскорт, имечко Жюли пахнет стриптизом из того же Конотопа... Черт! А если они меня женили и грохнут из-за хаты?!»

– А вы давно женаты?

– Не очень... – На родимом лице возникло небольшое оживление. Тело-Иннокентий село прямо, поглядело на «бомжа» Завьялова, как на родного брата, и отправилось в экскурс: – Я увел ее прямо со свадьбы, представляешь! В тот год были в моде тематические свадьбы, Жюли и ее бывший – Стефан выбрали церемонию в феодальном стиле, я познакомился с чужой невестой на репетиции. Делал моей божественной Жюли многоуровневую прическу... И вот мы только поглядели в глаза друг другу и – все! – пропали оба! Она была в аривальном платье, я был...

Интимные одежные подробности Завьялова интересовали слабо.

– Кеш, а ты что же... парикмахер, получается?

Тело забормотало, Борису послышалось перечисление синонимов: «Куафер, брадобрей, цирюльник...»

– Ах, да! По-вашему – стилист, – весомо и значительно подтвердило тело.

«Твою ма-а-ать!! В меня какого-то фигаро заслали!! Ничего получше не нашлось?!»

А Кешу уже понесло, как того Остапа Бендера:

– Вообще-то, – доверительно склоняясь к «бомжу», повествовал «стилист Завьялов», – я хотел отправиться в свадебное путешествие к моему кумиру. – Тело закатило глаза и, сжав руки перед грудью, с придыханием поведало: – К Сереже Звереву. Вам, Борис Михайлович, повезло, вы живете в одно время с г е н и е м...

Завьялов плюнул на возникшую было разницу мировоззрений и не стал вносить поправки, так как под воздействием кокса тело незаметно прошло точку невозврата. Ключевая фраза была произнесена.

– А ты в какое время живешь-то, друг Кешка? – Завьялов ласково перебил восхищенное восхваление парикмахерской звезды Сережи Зверева.

То, что произошло дальше, напомнило Борису сценку из жизни попугаев. Сидел себе яркоперый говорун на жердочке – бац! – на клетку плед накинули. Кеша заткнулся так резко, что вроде бы даже язык прикусил. Сидел и пучил на «бомжа» совершенно круглые птичьи глаза.

– Ну, ну, Кешка! – приободрил Завьялов. – Какие тайны могут быть между своими? Ты мне и так уже все выболтал, болтун – находка для шпиона.

Куафер обтер ладонью моментально вспотевший лоб.

– Я что... у ж е?! Все-все?!

– Уже, Кешенька, уже, – добродушно скалясь, подтвердил Завянь. – Все-все.

– О боже... Я идиот. Жюли этого не переживет...

– «Поражение в правах», да, друг?

– Да фиг с ним с н а ш и м поражением! – внезапно взвился куафер. – Поражение отразится на наших детях!!

– У вас есть дети? – проявил заботу Боря.

– Нет. Но мы уже записались в...

Не договорив, тело стремительно захлопнуло рот обеими руками. Над сомкнутыми ладонями на Завьялова таранились безумные глаза.

Дети это серьезно, существенно расстроился Борис. В каких бы правах их там не ущели, дети – запредельная цена.

Что делать?

Успокоить Кешку, что выболтал не много?

Или уже и так без разницы?

Честь вычислять разницу между «выболтал совсем чуть-чуть» и «крупномасштабной находкой для шпиона» Завьялов оставил за парикмахером.

Кокс брал свое, из-под ладоней неудержимо лились слова:

– Я говорил Жюли: «Давай к Сереже! Погуляем, почудим...» Она сама! Сама ваш роман выбрала!!

– Чей это – ваш? – напрягся Завьялов.

– Ваш и Зои Карповой!!! «Изумительный роман, удача, очереди ждать не надо»!! – Парикмахера несло в болтливость бесповоротно и стремительно. Сделав речь слегка манерной и писклявой, Иннокентий изображал жену Жюли: – «Мы в теме того времени, дорогой, готовить нас не нужно...» Сама уговорила!! Я хотел к Сереже!!

Судя по всему, из какого бы времени стилист ни прибыл, нравы там остались прежними: Иннокентий искал в Завьялову мужчину-единомышленника и непрозрачно намекал: «Все бабы одинаковые дуры. Они там напортачат, куда-то влипнут, а разгребать-то – нам».

– Ты что-то сказал о Зое Карповой? – прервал стенания Борис.

– А как же! – отлепив ладони от лица, заверещало тело. – Самый знаменитый роман столетия: вы и обворожительная Зоя! Жюли все форматы с вами проглядела! В архивах рылась, мечтала вами побывать!!

– Так, стоп! – Завьялов грохнул старческой ладонью о журнальный столик. – Я и Зоя Карпова – самый знаменитый роман э т о г о столетия?

– Да! Жюли ваша фанатка, она...

– Заткнись!!

Борис скорчился, потер давно зудевший правый глаз... Из глаза что-то выпало. Прищурился: на сгибе указательного пальца лежала прозрачная выпуклая блямба глазной линзы.

Оп-паньки. Бомж носит линзы?!

Не время. Не время размышлять над странностями этого изношенного организма. Последний глаз практически ослеп!

Завьялов быстро поднялся из кресла, добежал до «бардачка» и разыскал в нем чей-то футляр с очками. Достал весьма приличные окуляры унисекс, наладил их на нос и глянулся в шкаф.

Порядок. Повезло. Очки хоть и слабые, но видеть можно. Одна проблема: почему один глаз видел хорошо, а второй отказывал, решена.

Борис вернулся в комнату, где обезумевшее от нервотрепки тело-Кеша скакало вокруг дивана и, судя по обрывкам слов, вело с супругой виртуальный диалог:

– А я тебе говорил, предупреждал!! Не надо менять решений, Жюли, не надо! А ты мне...

Завянь сел в кресло, запахнул на подмерзающих коленях банный халат и устался в одну точку.

Зоя Карпова. Невероятно. Завьялов подойдет к ней лишь в одном случае: если они оба окажутся на необитаемом острове последними представителями рода человеческого. В совместную постель уляжется только после литра. Даже двух. В беспамятстве.

Какой – роман? Откуда ему взяться?! Завьялов и Карпова две разные вселенные, пересекутся и взорвутся на хрен!!

Борис прикрыл усталые глаза. Представил Зою...

Красотка с глянцевого обложки, мечта прыщавого периферийного юнца, богатенькая стержочка пергидрольной масти. Ее золотопромышленный нефтяной батюшка тот еще субъект: первая десятка Форбс, сволочь каких мало – из судебных исков и с желтых страниц не вылезает.

И э т о мне летит из будущего?!!

Да застрелите, не женюсь!! Роман не замучу!!

– Кеш, – открыв глаза, Борис прервал беготню тела вокруг дивана, – а ты ничего не попутал? Таки я и Зоя Карпова?

– Милостивый государь! – вельможно пробасило тело и тут же пискнуло: – Пардон, не та эпоха, сударь. Борис Михайлович, не может быть ошибки: вы и Зоя Карпова сегодня встретитесь, полюбите друг друга...

– С первого взгляда? – ошарашено перебил Борис.

– С одного единственного! – уверенно подтвердил куафер. – Ну не с первой же секунды, в начале вы немного поершитесь, но пото-о-ом, потом, когда поглядите ей в глаза... – Иннокентий восторженно воззрился потолок. – Вы предназначены судьбой.

«Пожалуй, дело пахнет, точнее, пахло литром, а даже и двумя. Сегодня Косой уходит в штопор, я должен был его дружески поддерживать».

– И где мы встретились? То есть, еще должны встретиться?

– В «Золотой ладье», конечно!

«Пока идем по расписанию. В «Ладье» Косой назначил стрелку братанам».

– И Зоя Карпова придет – туда? – Завьялов красноречиво поднял брови.

– Ну да. Она и еще три подружки.

«Матерь божья... Карпова с подружками в «Золотой Ладье». Картина подсолнечным маслом. Сегодня в Москве закроют на спецобслуживание все кабаки для пафосного люда?»

– Кеш, а ты надолго в моем теле?

– По вашему времени на две недели, по реальному – поменьше. Сонные периоды для путешественников, так скажем... перелистывают, – словоохотливо сообщил Иннокентий.

– А-а-а... мне, то есть тебе, обязательно с Карповой надо замутить?

– Конечно! В этом вся суть! У вас родятся дети – близнецы! Иван и Марья откроют закон пере... – Кеша снова превратился в попугая, захлопнувшего клюв. Продолжил через полминуты: – Не важно, что они откроют. Ваш роман – легенда. Сегодня или в ближайшие дни вам необходимо стать любовниками и зачать детишек!

– А если не получится? – прищурился Завьялов. «Я и Зоя? Любовники? Детишки-близнецы? Ты бредишь, Кеша».

Тело эффектно приосанилось:

– С чего это у меня не получится?

– Ну-у-у...

– На «ну», сообщаю: в теле Зои сейчас Жюли. Если будет сбой в эмоциях – скорректирует, настроение подправит. Вы как никак наше свадебное, л ю б о в н о е путешествие.

«Нормально. Заслали из будущего какого-то придурка. Жюли в Карпову посадили. Путешествуют, блин, наслаждаются чужой лавстори. Вуайеристы долбаные!

Но впрочем... спать с Карповой будет Иннокентий. Мне эта чикса – никуда».

– Кеш, а вы можете взаправду управлять своими... мгм, носителями? Зоей, например?

– Совсем взаправду не получится. – Тело-Кеша примостилось на краешек дивана напротив тела бомжа и доверчиво залопотало: – Управлять полноценным интеллектом весьма непросто. Если бы вы оставались в своем теле, то даже не заметили бы моего присутствия, я бы просто наслаждался вашей историей, испытывал ваши любовные переживания...

– Как получилось, что я вылетел из тела и попал в бомжа? – задавая этот вопрос, Завьялов почувствовал, как больно сжалась чужая, дряхлая диафрагма.

– Произошел некий технический сбой программы, – беспечно пожал плечами стилист. – Если мы будем придерживаться расписания, то, возможно, наверстаем упущенное время, все исправим... – Кеша глянул на настенные часы: – Жюли... то есть Зоя появится в «Золотой

Ладье» примерно в полночь. У нас есть время – три часа. И если уж оно есть, если так получилось, то я не могу не воспользоваться возможностью узнать...

– Не мямли!

– Борис Михайлович. Ваши биографы делают различные предположения...

– У меня и биографы есть?! – опешил Завьялов. Карповой как будто мало?!

– Безусловно, – подтвердило тело. – Так вот...

Ошарашенный новостью Завьялов слушал родной голос очень невнимательно. Как каждого нормального человека, не имеющего наполеоновских замашек, его ошеломила весть о появлении в будущем личных биографов. Летописцев, исследователей его жизни, ведущих всамделишные научно-исторические споры по предмету «Борис Завьялов».

Ни фигя себе ты, Боря, докатился!!

Так и не позволив говорливому стилисту оформить вопрос, Завьялов перебил:

– А много еще ваших путешественников по нашим телам бродит?

– Ну-у-у... интеллектуальные туры довольно популярны. При достойном техническом обеспечении совершенно безопасны – ты испытываешь бездну эмоций, не подвергаясь реальной опасности членовредительства.

«Сутки напролет сидишь в каком-то кресле, в мешочек через трубочку, небось, гадишь», – мгновенно представил Завьялов.

– Конечно, это весьма и весьма недешево, – продолжало тело. – Но оно, Борис Михайлович, того стоит.

– Ты уже где-то... в ком-то побывал?

Тело смущенно мотнуло башкой:

– Ага. Еще до Жюли смотался с подружкой в Александра Сергеевича и Натали.

«Понятно, откуда «милостивый государь» и «сударь» взялись».

– И как?

– Феерия. Дуэль, правда, ужасное воспоминание. Но в остальном – все чудно. Балы, мазурки, реверансы...

– Ты реально пулю на Черной речке схлопотал?!

– Угу, – родное лицо изобразило горделивую скромность.

– А сбои часто бывают?

– В телах, плотно включенных в цепочку исторического процесса, никогда. К вам, например, стали допускать совсем недавно и только исключительно и многопланово проверенных путешественников. Но очередь уже-е-е... – тело закатило глазки. – Если бы пара, собравшаяся к вам, неожиданно не отказалась, я и Жюли ждали бы своей очереди очень-очень долго.

– То есть... в м е н я то и дело «ходят» путешественники? – Борис попытался не слишком громко заскрежетать зубами.

– Только на две недели! – предупредительно поднял раскрытые ладони Кеша. – Всем интересен один момент вашей биографии – двухнедельный период возникновения романа с Зоей, зачатие известных ученых Ивана Бори...

Птица-говорун захлопнулась. Растерянно заморгала ресницами.

– Проехали, Кеша. Что будет, если я закрою тебя в этой комнате и не разрешу встретиться с Карповой? – «На фигя она мне сдалась?!»

– Борис Михайлович... – растерянно заблелело тело, – вы не посмеете... вы права не имеете! История слетит с катушек!!

– Плевал я на историю, – хмуро нахамил Завьялов.

– Но это же нечестно!! – подскочило тело. – Я вам все как есть! По правде, по существу вопроса. Можно сказать – Жюли и будущих детей предал!! А вы... – Тело неожиданно хлюпнуло носом.

– Ну ладно, ладно, Кеша, я пошутил. Сейчас пойдем оттрах... Пардон, влюбимся в твою Зойку и Жюли.

Тело-Иннокентий недоверчиво глядело на бомжа.

Завьялов никогда бы и не предположил, что верзила с выпирающей отовсюду мускулатурой может выглядеть разобиженным, отшлепанным ребенком.

– Не парься, Кеш. Ответь: а что бывает, если, как у нас с тобой, происходит несанкционированный сбой? Все путается, кто-то не рождается... История идет другим путем, да?

Пришибленное кокаином тело растерянно моргало. Видать, прикидывало: чего это оно так разболталось, разоткровенничалось? Какой еще подвох готовится?

– Послушай, Иннокентий – разглядывая вытянувшуюся во весь рост перед креслом родимую фигуру, Завьялов чиркнул большим пальцем под горлом: – Зуб даю! Ответишь по-чесноку на пару-тройку вопросов, и поедем влюбляться в Зойку. Чтoб мне сдохнуть – сделаю все, чтобы эта чикса на тебя на полном ходу запала! И Жюли нам не понадобится.

– А вы не врете? – осторожно присаживаясь на диванный подлокотник, спросило тело-Кеша.

– Биографы меня вруном считают?

– Нет.

– Отлично. И я тебе еще немного помогу договориться с совестью: как думаешь, Кеша, ты смог бы решить нашу общую проблему, не посвятив в нее меня?

Тело всерьез задумалось. Ответа не дало, но было ясно, что прониклось.

– Так что там с историей, дружок?

– Сие есть неподатливая и несуетливая материя, – в манере пушкинской эпохи приступил стилист. – На заре интеллектуальной телепортации существовало множество теорий. Пока подтверждение получила лишь одна: теория устойчивости временной контаминации в ограниченном периоде распада...

– Без словоблудия, пожалуйста, – перебил Завьялов. – Попроще, как родному прадеду.

– Попроще? – Тело-Кеша прикусило губу. – Попроще будет так. Представьте, Борис Михайлович, что вы вошли в кафе. – Иннокентий встал с подлокотника и, дабы простота доклада была подкреплена наглядной демонстрацией, эдаким гоголем с вихляющими бедрами прошелся по гостиной. Уселся за рабочий стол с компьютером, изобразил лицом рассеянного посетителя кафешки. Ладонь под подбородок умастил, сказал: – Сидите. А напротив девушка скучает. Если бы вы – такой прекрасный и брутальный – не зашли в это кафе, незнакомка обратила бы внимание на скромного паренька в углу. Но вы – затмили всех...

«Тобой – «затмишь», – мрачно наблюдая за наглядным спектаклем, подумал Боря. – Если ты еще пару раз задницей крутанёшь, затмишь-приманишь всех педиков в округе...»

Но Иннокентий, вероятно, воображал себя в чужом теле в связи с историческими представлениями, навязанными его эпохе Бориными биографами.

«Доживу до встречи хоть с одним биографом, ушатаю на фиг!!»

– Вы, Борис Михайлович, ушли из кафе, – печально продолжал стилист. – А девушка осталась одиноко коротать скучный вечерок, парнишку так и не заметила... Но если бы не ваше появление, они бы обязательно познакомились, влюбились и нарожали деток!

«Какой же я негодник, ай-яй-яй! Надо было девушку подклеить, чтоб шибко не скучала...»

– Но вот какой же казус происходит дальше! – Рассказчик внезапно, из мажорного минора перешел в восторженный мажор: – Через несколько месяцев вы, Борис Михайлович, втыкаетесь машиной в автомобиль того самого паренька!

«А это дулю, фигушки. В чужие автомобили я втыкаюсь только намерено, на гоночной трассе».

– А свидетелем столкновения является эта самая девушка! – воодушевленный собственной наглядной изобретательностью, воскликнул сказитель. – И девушка становится на сторону паренька! Когда приезжают эти... Кто у вас сейчас? Гаишники, да?

– Не отвлекайся.

– Так вот. Девушка и паренек, при вашем непосредственном участии, знакомятся, влюбляются.

«Рожают детишек».

– Историческая цепь замыкается тем самым человеком, что разомкнул ее совсем недавно. Борис заинтересованно хмыкнул.

– Это теория или закон?

– Судя по нашему формату – закон. Наука подтверждения дает намеками и скупой. Пару десятилетий формата о неудачных многообразных пертурбациях делали самые кассовые сборы. Любимая фишка: одни и те же герои, то и дело, не зная подоплеки происшествий, попадают в различные ситуации. Как будто мадам История – вполне разумно и осознанно – пытается восстановить разомкнутое звено, делает попытку за попыткой, насылая на героев все более изощренные испытания, подводя их к определенной итоговой цели. Герои не успевают выпутываться из одной ситуации, тут же попадают в другую – живую материю Истории поджигает график контаминации...

– Что за штука ваш формат? – перебил Завьялов.

Кеша порядком удивился:

– Формат уже и у вас есть. Не знаю в точности какой... Вы тактильные ощущения в кинотеатрах уже получили? Или хотя бы обонятельно присутствуете в действии?

– Понятно, Кеша, ты о кино толкуешь.

Завьялов пообещал горе-путешественнику, что заставит его раскошелиться лишь на три вопроса. Один вопрос уже впустую профукал. «На фига мне эти кины с обонятельной вонью разложившихся зомби, когда собственную шкуру отобрали?!»

Завьялов пригляделся к телу-Кеше... Навряд ли этот простофиля вопросыки подсчитывает. А коли что, ответим: дополнительные «формативные» вопросы включены в прейскурант подпунктами.

– А про меня у вас формат снимают?

– А как же! Жюли знает наизусть всю вашу историю в кинематографии!

– И что в ней будет дальше? – Завьялов давно задавался вопросом: «Чего такого они с Зоей за две недели начудили, раз к ним мозговые путешественники валом валят? За нештучные бабки». Предположение: свалились в койку, сломали три кровати – отверг. Не потому что заперевивал насчет потенции, а потому что был обычным приземленным реалистом: побывать в шкуре страстных любовников можно и дешевле – езжайте в тела знаменитых куртизанок, старика маркиза навещайте. А Кеша сделал ему аванс как личности исторического мирового масштаба. Так что вопрос – чего мы начудачили? – совсем не шуточный. «Куда ж мы влипли-то, раз История нами заинтересовалась?»

– Дальше будет немного страшно, – вздохнул стилист, мечтающий о мирном путешествии в Сержу Зверева. – Влюбившись, вы выйдете из «Золотой Ладьи». Погоды – прекрасные стоят, бабье лето наступило... Пойдете гулять по улицам до самого утра...

«О чем я с этой напомаженной чиксой разговаривать-то буду?!» – разнервничался Боря, так как предположение о минимальном литре, предположительно, накрылось тазом. Прежде Завьялов думал так: упьюсь до черта, подхвачу то, что сумел рукой нашарить... А тут: прогулка по бабьему лету!

– Вы проводите Зою до дома...

«Провожу? И даже в дом не поднимусь?!»

– Возле подъезда на Зою нападут похитители.

«Ах вот в чем дело. Мы, типа, не дошли до койки...» Опомнился:

– Что?! Карпову похитят?!

– Нет, Борис Михайлович, – гордо выпрямился стилист. – Мы ее отстоим.

– В натуре?

– Угу.

– И сколько будет похитителей?

– По формату – человек пятнадцать. Но биографы и полицейские архивы подтверждают лишь четырех человек.

«Ни фига себе мочилово?! Это что же я... четырех профессионалов раскидаю?! Или Карпову приедут хитить малолетки из соседнего профтехучилища?..»

Попадос, однако.

– А ты ничего, Кеша, не попутал? Биографы не намудрили с четырьмя бандосами?

Кеша чиркнул большим пальцем по кадыку:

– Зуб даю, чтобы мне сдохнуть. Один бандос, правда, будет за рулем сидеть, но трем вы накидаете отменно.

– Ну я-то, может быть, и накидаю. И может быть, даже отменно, – задумчиво разглядывая тело с мокрой курицей внутри, пробормотал Завьялов, – как карта ляжет... Но вот ты, Иннокентий...

– Доверюсь вашей мышечной памяти и рефлексам!

Стоя перед зеркальным шкафом в прихожей, Завьялов налаживал на морщинистую бомжескую шею шелковый платочек. Завязывал в который раз, пропихивал под воротник рубашки. (В качестве бонуса щедрому покупателю Генрихович положил в пакет шикарный итальянский галстук. Но появляться с претенциозной шелковой удавкой в «Ладье»?.. Предпочтительней реально удавиться! Пацаны уписаются. Зачморят «конотопского дядюшку» вместе со стилистом, а от Кеши помощи не жди – не отбредется болезный, родственника от насмешек не спасет.)

– После битвы с похитителями вы пойдете к Зое, – вращался вокруг грамотно прикинутого «дядюшки» Иннокентий. На него продолжал действовать порошковый зуд болтливости, стилист делился информацией: – Там вы вызовете полицию, приедет месье Карпов...

– Без этого месье не обойтись? – между делом интересовался Боря.

– К сожалению, – вздохнул стилист, – нельзя. Павел Максимович крепко увязан в сюжете.

– А если – развязать? – многозначительно хмыкнул Завьялов.

– Даже думать нечего! После ссоры с тестем... потенциальным тестем, вы, Борис Михайлович, уедете на Кипр вместе с Зоей, поскольку Павел Максимович заподозрит в вас охотника за приданным. Решит, что похищение подстроили вы. Когда вы возвратитесь через десять дней, правоохранительные органы уже установят заказчиков похищения.

– Слушай, Кеша, – задумчиво и недоверчиво разглядывая стоящую рядом грозу бандитов, сказал Завьялов, – а может, ну их к лешему этих похитителей... Стуканем ментам... или сразу папе Максимовичу... Пусть заранее подъедут к дому, густо навалеют похитительскому коллективу...

– Борис Михайлович! – возмущенно зароптал поклонник Зверева. – В этом вся соль! Сюжет. Зоя станет вашей навеки, увидев в вас заступника!

– Навеки ваша, – хмыкнул Завьялов. Оглядел «конотопскую» фигуру и нашел ее вполне употребимой. После банно-прачечных процедур обвисшая бомжеская харя весьма облагородилась, здоровый цвет лица проклюнулся. – Еще пару раз промыть-прокипятить, цены не будет дяденьке.

Тело-Иннокентий внимательно поглядело на недавнего бомжа и тоже согласилось:

– Значительный эффект. Носитель вам еще спасибо скажет.

– За то, что пемзой обработал? – распределяя по карманам бумажник и ключи, невнимательно поинтересовался Завьялов.

– За то, что побывали, – значительно задирая палец вверх, сказал стилист. – Знаете, сколько омолаживающие процедуры в наше время стоят?.. О-го-го! На процедуру по подсадке интеллектуального омолодителя иные деды с малолетства средства начинают копить! Ваш носитель еще громадное мерси вам скажет. Такой выброс адреналина ему устроили... Лет на десять уже помолодел!

– Я думал, показалось.

– Отнюдь, Борис Михайлович. Возраст не чисто биологическая проблема, душевное состояние индивида гораздо важнее. Если индивид теряет эмоциональные устремления, то начинает стареть неуклонно и безвозвратно. Если же он остается молод душой, тело отвечает ему сторицей.

– Главное, ребята, сердцем не стареть... – невнимательно пропел Завьялов, проверяя шнуровку ботинок.

– Вот-вот! Хороший интеллектуальный омолодитель, используя вашу лексику – адреналиновый алкоголик, чрезвычайно ценный тип! Несколько процедур, и внуки дедушек не узнают! По сути дела, кстати, лучшими омолодителями для дедушек являются ближайшие кровные родственники, но, – Иннокентий глубоко вздохнул, – не всем везет. Иные внуки – абсолютно бесполезный генофонд.

«Бальзам на раны», – снимая с полочки туалетную воду, подумал Завьялов. Кешина болтовня избавила его от жутких подозрений: очнулся он на каталке в морге с ледяными членами и подозревал, что залетел не просто в тело, а конкретно в труп. Свободный от заселяющего его прежде интеллекта, а проще говоря – души. Вылетел Боря Завьялов из родимого тела, пометался по больнице и нет чтобы в коматозного полуживого пациента залететь, попал в помершего, бесповоротно освободившегося бомжару.

Вспоминая фильмы ужасов про зомби, Боря начинал уже приноживаться – не завонял ли разложением? Приглядывался исподволь, не появились ли на теле трупные пятна.

Но если бомж замолодел... Тогда – порядок. Ошиблись доктора, свалили в морг полуживого дедушку.

– А кстати, Борис Михайлович, – не унимался болтун-путешественник, – почему вы, скажите на милость, не пошли к палате уважаемого Косого, а застряли в больнице между этажами? Когда вас «выкинуло», я, прямо скажем, растерялся! Не знал, куда стопы направить.

– У меня ухо оглохло, – выключая свет в прихожей и делая Кеше жест «на выход», проговорил Завьялов. – Решил к врачу наведаться.

– ЧТО?!!

Иннокентий, только что спешивший на романтическую встречу с Зоей и Жюли, попятился в темноту гостиной. Если бы секунду назад тело Завьялова не выглядело насквозь здоровым, Борис решил бы, что разложение коснулось именно его: в темноту уползало мертвенно белое лицо с остекленевшими глазами и отпавшей челюстью.

– Эй, Кеш, ты чего? – негромко позвал Завьялов. – Иди сюда. – Чуть было не добавил «кис-кис-кис».

– Борис... Борис... Борис... – невнятно лепетал стилист.

Допятился до кресла, едва не рухнул, но устоял, слепо нашаривая подлокотник. Кое-как, задом, обогнул препятствие.

Завьялов захлопнул входную дверь. Быстро прошагал до гостиной и включил верхний свет.

Занервничавший Кеша испуганно присел и прикрыл лицо руками, как будто из люстры ударили не лучи, а копыя.

– Ну, ты чего это, дружище...

– Борис Михайлович, – сипло прокаркало родимое горло, – не подходите. Это может быть опасно.

– Кому? Тебе или мне?

– Наверное... Наверное... – Завьялову показалось, что Иннокентий прислушивается к себе, то есть к полученному телу. – Уф! Я слышу. Борис Михайлович, я одинаково слышу обоими ушами!

– Раз за тебя. За нас. – Завянь хмуро вглядывался в перепуганное лицо напротив. – Что случилось-то?

– Беда, – коротко информировал стилист и утер вспотевшее лицо. – Борис Михайлович, вы не ощущаете внутри себя какого-то... постороннего присутствия? В новом теле вы – один?

– Ну... как бы да, – прислушавшись к ощущениям, кивнул Завьялов и вернул вопрос: – А ты?

– И я вроде бы... пока.

– Кеш, ты толком ответить можешь? Что происходит?!

– Ой, Борис Михайлович, ой-ей-ей! – по-бабьи заголосило тело. – Ой, мы попали-и-и... Ой, Жюли мне голову оторве-е-ет...

– Да это ты ей, Кеша, оторвешь, – напомнил Боря. – Ты хотел к гениальному Сереже Звереву.

Успокоительное упоминание кумира скончалось втуне. Кеша хватался завьяловскими лапами за его же голову и раскачивался, подвывая:

– Ну я попа-а-ал... ну зале-е-етел...

– Куда ты Кеша залетел?

– В вас!! – яростно и обличительно завопил парикмахер. – В вас, Борис Михайлович!!

– А я-то тут при чем? – развел руками принаряженный бомж. – Я типа не просил.

Успокоить Иннокентия удалось минут через десять. Тиская ручищами стакан с водой, Кеша быстро говорил:

– У нас есть путешественники-нелегалы. Они отрицают упорядоченные проникновения, путешествуют, куда изволят, лишь бы был свободный носитель. Делятся они на несколько течений. Первые, любители... так скажем, игры в рулетку: повезло, не повезло. Клика сумасбродов самоубийц, проще выражаясь. Еще есть ренегаты-умники, которые выискивают в архивах занимательных носителей. Эти отправляются в прошлое, как на разведку, в опаснейшее приключение. – Кеша глотнул воды. Маленько подавился. Прокашлявшись, продолжил: – Самое опасное течение нелегалов – циклопы. Террористы. Они плевали на законы, для них проверить действительность теории исторического самовосстановления – раз плюнуть! Циклопы проникают даже в хроно-личности! Разрушая последовательность исторических событий, они вмешиваются в ход развития цивилизации. Циклопы, Борис Михайлович, опаснейшие диверсанты.

– Ого, – Борис проникся ситуацией в полной мере.

– Вот-вот, – судорожно кивнул стилист.

– Но-о-о... Как циклопы могут вмешиваться, если совсем недавно ты утверждал, будто путешественник не может в полной мере управлять носителем?

– А они и не управляют интеллектом, – печально усмехнулось родное лицо Бориса Завьялова. – Они исподволь берут в плен тело, действуя на уровне центральной нервной системы. Любимый прием – отключить изнутри какой-то из парных органов. В вашем случае, Борис Михайлович, это было ухо.

Завянь сглотнул.

– А могла быть и почка, например? Или легкое?

– Бывало и такое, – мрачно подтвердил Иннокентий. – Большой носитель становится легкой добычей. Он, Борис Михайлович, управляем, поскольку ослаблен и сосредоточен на здоровье. Его практически дезориентируют.

– Твою ма-а-ать...

– Вот именно. Вам еще повезло, что начали с уха. Циклопы предпочитают бить наверняка и в первую очередь поражают орган зрения. Отсюда и их прозвище.

– То есть... ты хочешь сказать... сейчас в моем теле затаился еще один путешественник-диверсант?!

– А пес его знает.

– Что значит «пес его знает»?!! – взревел Завьялов во всю мощь бомжеской глотки. – Кто там во мне сидит и что он может отключить в любой момент?! Легкое?! Почку?! Руку или ногу?!

– Борис Михайлович! – чуть не расплакалось тело. – Не кричите! Вы мешаете мне думать! «Было бы чем думать, интеллект ты хренов!!»

Перенервничавший Иннокентий большей частью думал вслух. Бродил из угла в угол и бормотал:

– Вначале я подумал... ничего страшного. Поедем всей компанией на Кипр... Там я и Жюли переместимся в свое время, дедушка рядом посидит, родственничка поизображает... Мы с Жюли попадем домой и исправим неполадки. Теперь... теперь... теперь...

Парикмахера заело. Дальше чем «теперь» идея не продвигалась, застыла в мертворожденной фазе.

– Кеша, – привлек внимание Завьялов. – А как ты собирался бомжа на Кипр переправлять?

– Воздушным транспортом, – продолжая бродить, беспечно поделилось тело.

– Бомжа? Воздушным транспортом через границу?

– А что...

– А то! У меня паспорта нет! Не знаю, как у вас, а у нас через границы с паспортами ездят!

– Ну ни фига себе-е-е... – тело оседлало подлокотник дивана и хлопнуло по лбу ладонью: – Позабыл!

Борис набычился:

– А что ты еще п о з а б ы л, экскурсант недоделанный?

Иннокентий обиделся:

– Простите, милостивый сударь, я как-то упускаю вашу гиблую действительность из виду.

– Проехали. Слушай сюда. Думаю, ты уже понял, что без меня ты ни фига не справишься, так что давай колись: какого черта мы всей капеллой должны на Кипр двинуть? Зачем вам там дедушка-бомж в качестве родственника?

Родное тело призадумалось, закусивши верхнюю губу. Завьялов сделал свое новое лицо дико злобным, и мыслительный процесс пошел живее:

– Географические и временные привязки интеллектуальной телепортации имеют исключительно жесткие условия. Носитель должен находиться в определенном месте в определенный момент. В случае с вами, Борис Михайлович, и Зоей Карповой это гостиничный номер кипрского отеля. Однажды ночью вы уснули бы в объятиях красотки...

«Меня сейчас вырвет».

– А я и Жюли преспокойно вышли бы из интеллектуального анабиоза в нашем времени. Тела – не пострадали.

– Но? – понукая заскромничавшего вдруг Кешу, подтолкнул Завьялов.

– Но, – вздохнул стилист, – в нашем единичном случае, Борис Михайлович, ваше тело лишится управления. Души, если хотите.

– Когда тебя изымут, я умру? – с удивительным спокойствием произнес Завьялов.

– Не сразу, – скромно опустив глазки, вздохнуло тело. – Какое-то время организм будет функционировать на рефлексках.

Рука бомжа медленно протянулась к вороту любимой косухи, сгребла ее крепче некуда и притянула к себе любимое тело:

– Ты хочешь сказать, ушлепок... что без тебя я типа – сдохну?!

Иннокентий не стал вырываться.

– Подохнете, Борис Михайлович, – произнес чистосердечно и покаянно. – Так что отпустите, давайте мыслить конструктивно. – Завьялов ворота не отпускал, тело продолжало речь в неудобной позиции: – Нам необходимо всем вместе оказаться в номере кипрского отеля через тринадцать дней. Я и Жюли переместимся, ваше настоящее тело впадет в кому. Но мы объявим дедушку близким родственником, и вы будете неотлучно находиться рядом с впавшим в кому племянником Борисом. Совсем короткое время! Когда я и Жюли сообщим в туристической компании о произошедшем, вас тут же вернут обратно в ваше тело! – жизнерадостно закончил Кеша.

– Облом, Иннокентий. Бомжа, и даже конотопского дядю, вы на Кипр не переправите. А если я не скажу тебе, где мой заграничный паспорт, то, поверь, тебе там тоже не бывать.

– Борис Михайлович! – затрепыхался Кеша. – Неужели вы думаете, что заботы о собственном благополучии моя первостепенная задача?!

– А в чем твоя забота, Иннокентий?

Кешино счастье, что он не знал нюансов завьяловских интонаций. Иначе, не взирая на заинтересованную ласковость вопроса, выпрыгнул бы из курточки и пустился наутек через балкон четырнадцатого этажа. Борис едва сдерживал желание показать горе-путешественнику, как в этом времени бывает БОЛЬНО.

Но тело-Иннокентий, почти не трепыхаясь, продолжало вещать:

– Борис Михайлович, моя первостепенная задача – неизменность исторического процесса развития земной цивилизации.

– Высокопарно. А по сути?

– По сути, – вздохнул стилист, – все тот же шкурный интерес. Если вы не переспите с Зоей и не зачнете близнецов, забудьте вообще телепортацию. Без их рождения через девять месяцев развитие цивилизации изменит ход – мне будет некуда возвращаться. Понимаете? ТАМ будет уже другая Земля. И есть ли на ней место Иннокентию Капустину... вопрос.

Завьялов отпустил воротник куртки. Пока стилист бухтел о высоких материях сохранности цивилизации, Завянь немного сомневался в его искренности. Как только вякнул насчет «шкурных интересов», поверил сразу же: парикмахер будет стараться так, что понукать не надо. На Земле далекого будущего произойдут метаморфозы, Жюли и Кеша, возможно, вовсе не появятся на свет.

Неужто рожденные Зоей близнецы как раз и выдумали нечто, позволившее путешествовать по временам из тела в тело?!

– Послушай, друг Капустин, ты можешь как-то сообщить своим о том, что здесь произошло? О диверсанте.

– Нет! Процесс интеллектуальной телепортации полностью механизирован! Как только датчики отобразили, что я в теле Бориса Завьялова, работники агентства занялись другими путешественниками.

– Паршиво. А сколько интеллектов может одновременно присутствовать в одном носителе? – Разговаривая с Кешей об отдаленных временах и чертовой телепортации, Завьялов чувствовал себя так inferнально, что голова кружилась. Казалось, все происходит на экране телевизора, не с ним, в чужой квартире. Борис Завьялов сейчас проснется в собственной постели,

в родимом теле. Все происходящее – бред, бред, бред!! Борис-Завянь где-то спит, упившись с Колянком до глюков!

– Один путешественник и носитель, то есть двое, – послушно отвечал стилист Капустин.

– То есть... когда ты во мне появился, во мне уже был диверсант. Я правильно понял?

– Угу. Признаться, я не знаю как еще объяснить вашу ситуацию с оглохшим ухом. Сейчас же я прекрасно слышу, да? – Тело вздохнуло. – Меня направили к вам, то есть в вас... Произошел эффект переполнения, но выбросило почему-то вас.

– Странно, что меня... И где сейчас может находиться этот ваш террорист-циклоп?

– Понятия не имею, – развел руками Кеша. – Эффект Карселя-Канцева практически не изучен, поскольку эксперименты в этом направлении опасны...

– Кеш, об эффектах самый минимум. Коротко можешь? – перебил Завьялов, глянув на часы. До появления в «Ладье» Зойки Карповой оставалось чуть меньше двух часов, ищи ее потом по всей тусовочной Москве.

– Можно, – понурился Капустин. – Вы, Борис Михайлович, прекрасный бильярдист, и рассуждать я буду в этих терминах. Представьте на зеленом сукне два соприкасающихся шара.

– Представил.

– В них со всей силы врезается третий. Что происходит?

– Шары разлетаются в разные стороны.

– Да. Это в том случае, если биток ударил между ними. А если биток ударил в шары, стоявшие цугом?

– В лузу улетают оба шара, – тихо ответил Завянь.

– Вот именно. Вопрос. Куда ударил мой интеллект-биток, и в какой позиции находились вы и диверсант? Вас могло разметать в разные стороны, но так же вы оба могли устремиться к одной лузе. Конкретно – в ваше новое тело. Если, конечно, душа старикана его покинула.

– Я здесь, вроде бы, один, – задумчиво сказал Борис.

– Мне тоже кажется, что я – один. Но уверенности в том, что циклоп не затаился где-то на периферийных задворках сознания, у меня нет.

– Хреново. Нужно ехать к твоей Жюли, пусть как-то внушает Карповой, что Борю Завьялова с дядюшкой нужно срочно переправить до Кипра на личном самолете хоть в багажной сетке. Ты сможешь поговорить с Жюли и всей ей объяснить?

– Могу. Но только в том случае, если интеллект носителя не будет активен. То есть я могу поговорить с женой даже при бодрствующем интеллекте носителя! Но, – Кеша вновь развел руками, – как на это отреагирует мадемуазель Карпова?

Завьялов представил, как он, точнее, ушлепок в его теле подкатывает к Зое и начинает нести байду относительно поездки с его дядюшкой на Кипр, причем на личном самолете семейства Карповых...

Зажмурился. После первой же фразы тело Борика Завьялова вначале отметелят бодигарды, потом его отправят в желтый дом. Возможно, с переломами. Так что ушлепок прав на сто процентов: надо как-то добираться до койки с Зойкой, уматывать Карпову секс-марафоном, пока она дрыхнет – общаться с засланной Жюли.

– Поехали в «Ладью», Кешастый, – встал на ноги Завьялов. – По дороге доболтаем.

Ночная Москва уже избавилась от пробок, «порше» нагло лавировал в автомобильном потоке; Завьялов пытался развести стилиста на разговор и выдать хоть чуточку информации о том, чего достигла земная цивилизация. Стилист категорически упорствовал:

– Борис Михайлович, у нас опасная ситуация, и я вполне могу предположить, что у хроно-департамента не возникнет ко мне и Жюли особенных претензий. Без сотрудничества с вами, без паспорта, я не смогу оказаться на Кипре. А ваше тело, лишенное интеллекта носителя, погибнет здесь. Но допустить этого категорически нельзя, так как вы – хроно-лич-

ность. Умоляю, – Кеша неожиданно всхлипнул, – не заставляйте меня рассказывать о будущем больше необходимого! Я и так выдал вам достаточно! Жюли мне не простит...

– Замазались, Кеша, – перебил Завьялов повторные стенания о вредностях Жюли. – Давай по делу. Я никогда не поверю, что в нашем времени не существует каких-то ваших функционеров, приглядывающих за процессом. Если у вас действует реакционное хроно-подполье, приглядывать должны не хилые ребята. Так что – колись. Что будем делать, если не удастся замутить с Карповой в «Ладье»? Куда пойдем, кого разыщем?

Тело-Иннокентий молчало секунд двадцать – всесторонне вентилировало закономерность интереса. Потом ответило:

– Вы, безусловно, правы. Против циклопов работает подразделение хроно-департамента. У нас их называют антициклопами, циклонами на сленге. Если возникает нештатная ситуация, их сюда обязательно телепортируют.

– Ты знаешь в кого? Как разыскать этого циклона?

– Понятия не имею. Обычно выбирают носителей, не включенных в исторический процесс, поскольку мероприятия по обезвреживанию циклопов могут заканчиваться весьма плачевно. Форматы на подобные темы довольно популярны, Жюли не пропускает ни одной премьеры, а я...

– Короче, Склифосовский! Как разыскать циклона?!

– Понятия не имею!! Носителей выбирают преимущественно на вокзалах, кто станет носителем очередного агента, я не могу знать!

– Почему на вокзалах? – закладывая вираж возле заднего бампера маршрутки, поинтересовался Боря.

– Там есть камеры наблюдения. Как вы уже знаете, для интеллектуальной телепортации необходимы два непреложных фактора: точные время и место. – Стилист еще немножечко подумал и добавил: – Но в общем-то, так повелось. Когда были разработаны первые хроно-машины, появился обоснованный вопрос: на ком испытывать перемещения? На президентах, чье время и маршруты достаточно известны и оставлены в анналах?.. Нет. Любые испытания опасны, а президенты – хроно-личности. Тогда историки покопались в цифровых архивах, наткнулись на остаточные файлы вокзального наблюдения... Так и пошло. Человек выходит с поезда, его личность устанавливается по билету, проверяется задействованность в историческом процессе... Если носитель подходит, циклон перемещается в него, подчиняет себе тело...

– Стоп! – перебил Завьялов. – Недавно ты говорил, что управлять здоровым интеллектом невозможно!

– Циклонов, – вздохнул Иннокентий, – набирают из людей, имеющих способности к телепатии. Телепат, Борис Михайлович, может подчинить себе л ю б о е т е л о.

– Проникся, – кивнул Завьялов. – Так, может быть, Кеша, сразу на вокзал и махнем, а? – Уверенности в том, что этот утырок – даже с накаченной задницей Бориса Завьялова – привлечет внимание тусовщицы Карповой, не было никакой. Что бы там стилист о себе не воображал, как бы не надеялся на насмотревшуюся форматов Жюли, Завянь лучше знает современные реалии: карикатура из Бори Завьялова соблазнит собой только уличную проститутку, да и то за деньги.

– И что мы будем делать на вокзале, Борис Михайлович? – саркастически усмехнулось родное тело. – Повесим на грудь плакатики «Разыскиваются циклоны из далекого будущего», да?

– Повесим, – согласился Боря. Все лучше, чем перед пацанами и Карповой этой безделушкой представляться! – Циклоны нас засекут по камерам, сообщат куда следует, и полный порядок.

– Наивный вы человек, Борис Михайлович, – вздохнула безделушка. – Неужели вы думаете, будто на каждом московском вокзале сидит циклон? Что именно наше с вами «плакатное»

выступление попадет в архивы и станет знаковым для архивариусов? – Иннокентий фыркнул. – Мощные телепаты, из которых набирают рекрутов-циклонов, редчайшее явление! Их берегут как зеницу ока, на вокзалы к мониторам не отправляют и задействуют лишь при возникновении опаснейших временных разрывов!

Досадно.

– А что бывает с людьми, которых циклоны задействовали для своих операций? Они их... того?

– Ну что вы. Никаких «того». Носителям совершенно безболезненно стирают память. – Стилист зевнул. – Бывает, что используют по-максимуму в нескольких операциях подряд, потом попросту оставляют на каком-нибудь вокзале.

«Уроды! – скрипнул зубами Завьялов. – Сошел человек с поезда и сгинул. Его, понимаешь ли, мама-папа, детки-жены ждут. Годами ищут. А эти... задействовали, побаловались и выкинули на помойку со стертой памятью! Ур-р-роды!»

– И в каких же операциях, Кеша, подобные носители используются? – внешне невозмутимо продолжил Завьялов.

– По-разному бывает, старичок. Порой История не может залечить какой-то хронологический прорыв, тогда циклоны и помогают. Подталкивают в нужном направлении, так сказать. Но вообще-то, Борис Михайлович, не считайте своих потомков бессмысленно жестокими. – Кеша разглагольствовал, поудобнее устроившись в кресле. – Вот вы спросили: почему носителей выбирают преимущественно на вокзалах? Отвечу вам без спешки. Вырвать человека из привычной, размеренной жизни крайне сложно. Он окружен знакомыми людьми, его ежедневные маршруты практически неизменны. Человек, оправившийся в дальнюю дорогу, уже вырван из нормальной среды. Уже немножечко потерян. Циклоны же преимущественно набирают носителей из людей, чей жизненный цикл и так вскорости прервется, либо носитель бесперспективен... тупиковая ветвь цивилизации. Агенты пользуются информационной базой ваших паспортных столов. Иногда, правда, происходит несанкционированный сбой, но обычно носителю чуть-чуть подтирают память и возвращают в обычную среду...

Кеша болтал, Завьянь скрипел зубами: «Много же вы в истории наковыряли, потомки хреновы... Подталкивают, видите ли, нас. Выбирают, как племенной скот для бойни...»

Разозлившись на позевывающего стилиста, Завьялов рявкнул:

– Слушай сюда, Капустин Кеша! Сейчас мы приедем в «Ладью», скажешь банде: «Хай, ребята!» Косому сообщишь, что не пришел его встречать, мол, Лёля приболела, за лекарствами гонял. Потом сиди тихонечко и лишнего не вякай. Твой номер – первый от конца! Потянут шары гонять – отказывайся. Мизинец болванкой расколошматил, болит зараза, спасу нет! Появится Карпова, будем думать в зависимости от обстоятельств и настроения.

Тело моментально взбодрилось, село прямо, твердо.

– Я все секу, чувак.

– Чего-о-о?! – Завьялов едва руль не выпустил. – Чего ты там «сечешь», чепушила чертова?! Откуда ты этого отстоя набрался, «чувака» припомнил?!

– Ну как же, – разобиделся стилист Капустин. – Перед внедрением меня готовили к восприятию ненормативной лексики, забили «Большой словарь молодежного сленга» две тысячи третьего года выпуска...

– Лучше бы в тебя Большую Советскую энциклопедию забили!!

– Так и забили, – невозмутимо подтвердил стилист.

– Реально?

– Можете проверить.

– Ну-у-у... Высота Джомолунгмы?

– Джомолунгма. Или Эверест. Высочайшая вершина земного шара. Гималаи. В ваше время высота пика достигает... восемь тысяч восемьсот сорока восьми метров.

– А в ваше время что... уже не достигает?

– Маленько раскрошилась.

* * *

Во времена всеобщей деградации в помещении «Золотой Ладьи» размещалось весьма недурственное казино.

Когда правительство России дошло до мысли, что подобные заведения разлагают и способствуют обнищанию народонаселения, рулетку закрыли, столы и игровые автоматы тихонько переправили в подвал кафешки на соседней улице (где они продолжили грязное дело по разложению и обнищанию уже особо доверенного контингента). «Ладью» переформили в спортивно-развлекательный комплекс. В цокольном этаже бильярдные шары гоняли и пиво пили. Чуть повыше – боулинг и ресторан с приличной кухней.

Банда Бори заседала в полуподвале цоколя.

Когда-то банда называла себя мушкетерами. Но с этим сильно не согласилась директриса школы Инга Селиверстовна: «Завьялов, Козлов, Воробьев! Какие вы, бандиты, три мушкетера?! Вы типичнейшая – банда! Кто вчера разбил окно в учительской?! Мяч две вазы и почти полный чайный сервиз раскокал! Кто в прошлом месяце сорвал урок географии?! – В выпускном классе добавилось еще одно обвинение: – Кто тайком курил в уборной?!»

Тайком курили Козлов и Воробьев. Завьялов вообще был ни при чем. Но гордо пыжил грудь, не отрекаясь от мушкетно-бандитского братства. Благородно доставлял Лелю на директорский ковер к совокупному числу прочих, вызванных родичей Козловых-Воробьевых.

Невзирая на то, что в весьма элитной школе Завьялов появился лишь в начале шестого класса (когда переехал из родительской квартиры к Леле), его считали в банде заводилой. Новичкам в подростковом детском коллективе завсегда приходится туго. Боря исключением не стал, пригнулся с первых дней возле двух ботанов-интеллектуалов: Козлова, Воробьева.

Ботанов шибко доставал бугай Толя Скоромятов, дразнил их «зоопарком», «парнокопытными птенцами». Завьялов заступился. Подловил как-то Скоромятова на насмешке и прилюдно опечалился:

– Какие, однако, Толя у тебя фантазии богатые... Все зоопарк да зоопарк... Зоофилия, сердешный, покоя не дает, да? Смотри допрыгаешься, возбудишься, потом – затянет, начнешь к собачкам на улицах приставать...

Скоромятов отцепился.

Под руководством Бори ботаны подкачали мышцы, к выпускному классу троица выглядела – лучше некуда.

Коля Косолапов присоединился к братству позже, сойдясь с Завьянь на почве мотоциклов.

Борис завел «порше» на стоянку перед комплексом. Выбрался из салона и незаметно перекрестился: «Спаси и пронеси».

Банда знает Борю как облупленного. Если б не настойчивые уверения Иннокентия: «Борис Михайлович, ваши друзья не хроно-личности, если вы расскажете им об интеллектуальном обмене, в них загонят циклонов и сотрут ребятам память!» – он не стал бы рисковать, устраивая перед ними цирк с гвоздем программы Иннокентием Капустиним. Завьялов попросту рассказал бы все о том, что с ним стряслось, и доказал правдивость истории несколькими примерами из общей жизни.

Банда почесала б в репах, и уж точно что-нибудь придумала бы. Зойку Карпову на блюде до Кеша донесла.

Но Кеша уверял: нельзя! Ни в коем случае нельзя посвящать посторонних в секреты будущего. Ради их же блага.

А друзей Борис любил.

И потому, дождавшись пока неловкий Иннокентий выберется из «порше», хмуро поправил на нем перекрутившийся рукав куртки и повел свое тело к знакомому до каждой трещинки крыльцу «Лады».

Неоновая реклама заведения подмигивала буквой «о», как старому приятелю. Настроение становилось мерзопакостным. Хотелось хоть кому-нибудь навешать кренделей.

По крыльцу, впереди Завьялова, поднималась парочка худосочных оболтусов в болтающихся на бедрах джинсах размера эдак пятьдесят четвертого. Из заднего кармана одного из оборотов торчала невскрытая пачка «Беломора».

Обычная пачка. Но Завьялов вдруг почувствовал себя ослом, перед мордой коего болтают сочной морковкой. Глаза, не отрываясь, смотрели на торчащую из кармана папиросную пачку... Рот заполнился тугой слюной... Голова как будто ватой забилась.

«Курево», – отчетливо понял Завьялов. Дедку до жути, до полуобморока не хватает никотина! Еще в ванной он был готов скончаться от никотинового голода, который Боря принял за похмелье.

Но папиросы все-таки не водка. Превратившись в абсолютного осла перед морковкой, Завьялов потащился по холлу за расхлябанной парочкой в коротких ярких куртках – малиновой и желтой. Не смог остановиться, не смог свернуть в другую сторону. Папиросная пачка стала наваждением, желудок вибрировал тошнотворными позывами, Борис коротко прошипел Иннокентию: «Дуй за мной!» И начал спускаться к туалетам под залом для боулинга.

Парнишки быстро проскочили длинный коридор, прошли к умывальникам.

Завьялов предположил, что, помимо папиросной пачки, в карманах пацанов лежит и коробок с травой. Оболтусы решили забить «патроны» прямо в клубе, в тепле, при свете. (Туалет под боулингом был не особо популярен, посетители предпочитали навешать удобства первого этажа или ресторана.)

Парнишки обустроились в углу возле корзины для использованных бумажных полотенец. Закрыли спинами то, что собирались сотворить их шаловливые ручонки...

В уборную зашел Завянь. Один. Так как Кешу, на подходе к лестнице, зацепил завьяловский знакомый. А выпутаться Иннокентий не сумел – застрял наверху, пытаясь сообразить: что делать, раз инструкций не было?!

Лоботрясы оглянулись на шикарно прикинутого дядю. Развернулись, пряча ручонки за спиной.

– Ребята, папироску не одолжите? – сглотнув тугой, застрявший в горле комок, просипел Завьялов. Просительно. Как нищий.

Ребятки оглядели невразумительно мычавшего дедка в шикарном костюме и штиблетах. Подумали, что дед типичное чмо, обвязанное шейным платочком.

Тот, что был в малиновой куртке, нагло хмыкнул:

– Ты чо, дед? «Белочку» словил? Вали отсюда!!

Наглецов и малолетних хамов Завянь не переносил.

Вот вроде бы. Подошел приличный, трезвый гражданин. Весьма почтенного возраста, заметим. Попросил у молодежи папироску.

Так почему б не дать? А сразу в хамство.

Завьялов одернул обшлаг пиджака. Поглядел на молодежь сурово.

– Я вас по-хорошему попросил, ребята. Угостите папиросой.

– По пятницам не подаем! – заржал обсосок в желтой куртке.

– А зря, – сказал Борис.

Внутри Завьялова поднялась сокрушительная волна ярости – ярости голодного перед жующими скотами! – правая рука метнулась к кадыку паршивца в желтой куртке, ударила! Мысок левого ботинка врезался под коленную чашечку второго недоумка.

Недоумок крайне удобно шлепнулся перед Завьяловым, подставляя тому задницу с карманом. Из руки таки вывалился спичечный коробок.

Борис вытащил из чужого кармана папиросную пачку. Одним умелым движением сделал крохотный, на папиросочку, надрыв. Выбил беломорину...

– Поджига есть? – спросил.

Паренек в желтой куртке, кряхтя и охая, достал из кармана куртки зажигалку, не глядя протянул ее драчливому деду...

Завьялов затаился сразу на полпапиросы. Беломорина трещала и искрилась в трясущихся пальцах с желтыми никотиновыми отметинами, по телу расплзлось блаженная истомы... Голова кружилась, как после целого стакана водки! Ощущение было как... Как добежать до унитаза после трех литров пива да еще успеть ширинку расстегнуть! Как почесаться!

Когда-то, лет десять назад, молодой и никому не известный мотогощик Борис Завьялов выиграл заезд.

На трибуне сидела Леля. В раздевалке заштатного мототрека – одна полноценно функционирующая душевая кабинка. К кабинке очередь в пятнадцать человек.

– Поедем домой, – сказала Леля, – вымоешься там.

Борис послушался, поехал. Сидя на заднем сиденье такси рядом с Лелей – байк остался в ангаре техпомощи, колесо перед самым финишем пошло в разнос – едва умом не тронулся: вспотевшие чресла чесались до жути! А чесываться перед Лелей внук не решился.

Когда разделся дома в ванной комнате, минут пять остервенело драл ногтями кожу и не мог остановиться. Ощущение было таким балдежным, что аж челюсти сводило и голова звенела!

Ощущение от первой затяжки побило рекорд десятилетней давности. Завянь затаился еще разок... Легкие заполнились блаженством... Пошли еще какие-то воспоминания. Вероятно, чужие, так как сам Борис Завьялов куревом не баловался. Не потому, что был идейным спортсменом с малолетства. А потому что повод был и случай.

Давным-давно высокорослый четырнадцатилетний подросток Завьялов заскочил на соседнюю дачу, где лихо праздновали день рождения. Юнца пригласили к «взрослому» столу, налили фужер шипучки.

Среди гостей соседа сидела прекрасная полногрудая тетенька. Густо подмалеванная брюнетка лет тридцати с шальными глазами. Завьялов пил шипучку, ловил на себе заинтересованные взгляды тетеньки...

Четырнадцать лет. Каждый подросток мечтает о взаправдашнем сексе с умелой женщиной.

Когда тетя поволокла мальчонку в уголок, Завянь подумал: наконец СВЕРШИТСЯ!

Облом свершился. Тетка присосалась к подростку, как пиявка. Огромным, пахнущим сигаретами и водкой, ртом...

Подростка вырвало. Позорно, тут же! Едва успел через окошко свеситься.

Завьялова рвало – безудержно! Едва перед мысленным взором появлялись желтые, прокуренные зубы тетеньки, накатывал очередной позыв.

В тот день, под гнусным впечатлением, Борис Завьялов дал себе зарок: курить не будет. И девушек Завянь выбирал соответственных – некурящих, ч и с т е н ь к и х, с ухоженными шкурками.

Звероватая амазонка была лишь исключением, подтвердившим цепь закономерностей.

...Завьялов в три затяжки уничтожил папиросу. Крайне удивился: нос вонь ощущает, а тело радуется! Склонился над ушлепками, взялся прокуренными пальцами за сережку-колечко в ухе «желтого» недоумка и, немного оттянув мочку, сказал:

– У нас с вами разные «белочки», короеды. Ваша с сережками в ушах и Чупа-чупсом за щекой. Моя – в тельняшке.

Распрявился, погляделся в зеркало над умывальником. Напротив отразился довольный жизнью молодеватый дед в костюме и рубашке от лондонского дома.

Исчезнувшая в кармане пачка приснопамятного «Беломора» с английским шиком сочелась плохо. Но пусть кто только слово скажет!

Уходя от умывальников, Завянь подумал, что как-то странно он утырков уработал: использовал не типичные, но крайне действенные удары.

Причем... Если б это тело захотело уработать придурков наглухо, то уработало б без всякого сомнения. Кадык и гортань желтого оболтуса превратились бы в костяной винегрет. Мысок ботинка, ударь хоть чуть сильнее, выбил бы на хрен коленный сустав!

Но тело било с осознанием и адекватностью наказания. Не покалечило, слегка отшлепало.

Занятно. Дед служил в доисторическом десанте? Рефлексы тренированного тела возобладали над рассудком Бори?

Припомнив, как корежило тело в ванной, Завьялов мысленно его поблагодарил. Озверевшее от никотинового голода, оно вполне могло накостылять ребятишкам по самое небалуйся. По самую палату интенсивной терапии-реанимации.

– Борис Михайлович! – К Завянь сбегало по лестнице собственное встревоженное тело. – Куда вы запропастились?! На меня там куча народу навалилась, а вас – нет!

– Иннокентий, – строгим шепотом прервал стилиста Боря, – как меня зовут?

– Э-э-э, – опомнилось родное тело: – Дядя Миша. Михаил Борисович.

Ради упрощенного запоминания Завьялов переставил местами имя и отчество, всю дорогу внушал стилисту, как обращаться к «дяде». Когда услышал придыхание «Борис Михайлович», то расшвирился бы обязательно, если б предварительно не почесался, то есть накурился.

– Запомни, Кеша, все наоборот. Теперь ты – Боря. Я – Борисыч. Понял?!

Бильярдная цокольная зона «Золотой Ладьи» делилась на три неравных отсека. В одном, огромном зале на два десятка столов, тусовались все кому не лень. Два меньших зала изначально и толково прозвали вип-ложами. Одна из лож была претенциозной, некурящей. Завьяловская банда заседала в салоне для курильщиков с собственным миниатюрным баром при четырех бильярдных столах.

Борис подтолкнул вперед тело с засевшей внутри курицей-стилистом. Тело шагнуло в зал, прокукарекало:

– Хай... парни.

«Ребята, черт тебя дерит, ребята! – мысленно скрипнул зубами Завьялов. – Мы почти двадцать лет приветствуем друг друга: «Хай, ребята!»»

– Завя-а-ань!! – привставая над столом, уставленным «пивным набором», прорычал Косой. – Ты где ж залег, растуды-т тебя налево?!!

Кеша шагнул к Косолапову, как Аня Каренина навстречу паровозу. Обреченно, но стремительно. С осознанием важности действия.

Подмяло его тоже одинаково: Косолапов облапил тело, тело жалко пискнуло.

Друзья приветствовали Борю шумно, пицание слышал только Коля, он и побеспокоился:

– Ты чо, Завянь, опять не привязанным ездил? – шепнул, намекая другу Боре на его фрондерское нежелание пользоваться в машине ремнями безопасности. – О руль саданулся, ребра отшиб?

Стилист проявил догадливость. Кивнул. И палец предъявил. Обмотанный изолентой мизинец.

– Сейчас залечим все простуды, – недоверчиво разглядывая «раненый» палец, пообещал Косой. – Ребята. Раздвиньтесь. Боря п р и б о л е л, пора принять профилактическую дозу.

Стилист, увлекаемый мощной байкерской фигурой Косолапова, поковылял к столу.

Завьялов, бедным конотопским родственником, застыл на пороге вип-ложи. Призывая мысленно на голову стилиста Капустина ушат помоев, гром небесный, хороший хук под челюсть.

– Ой, парни! – опомнился Иннокентий.

«Чтоб ты сдох! Чтоб тебя Жюли прибила! А я ей помогу и придержу!! Ребята же они, ребята!»

– Я же сегодня не один! Позвольте вам представить...

«Хорошо, что в «милостивые государи» на нервах не занесло...»

– Это мой хороший знакомый...

Капустин провякал сочиненную байку насчет болезни Лели и внезапного приезда друга ее нежной юности Михаила Борисовича из Конотопа.

Брать друзьям, отлично знакомым с каждым листочком скудного генеалогического древа Завьяловых, Борис не решился. Посоветовал парикмахеру напираться на прежние амурные бабушки. Мол, Леля приболела. А к ней свалился дружище Михаил. Леля, измерив температуру, попросила внука развеять дядю Мишу по столичным достопримечательностям.

Логически безупречно выстроенную легенду банда проглотила. Во вруках Завьялов никогда не числился. Конотопского дядю усадили за стол, пивка налили...

Болезненную любовную царапину Колян залечивал умело. Пластырем и антибиотиком служили две развеселые девушки Наташа и Светлана – брюнетка и рыженькая. Косолапов обнимал сразу двух девчушек и рычал тосты.

Тишайший интеллигент Максим Воробьев – благообразный, в меру бородатый юрист одного из крупных столичных банков, инфантильно глушил вискарь.

Концептуальный конформист, извечно безработный Вадик Козлов прожигал жизнь вместе с очередной феминкой возраста последней свежести. (Родители Козловы – владельцы приличной зубокабинетной практики – устали пенять отпрыску на нежелание трудиться в любом качестве: хоть зубы драть, хоть венником махать.) Усевшийся рядом с идейным конформистом «конотопский родственник» услышал его негромкое мурчание: «Пускай ты выпита другим, но мне осталось, мне осталось... твоих волос стеклянный дым и глаз осенняя усталость...»

Давненько кем-то выпитая платиновая блондинка тихонько млела под Есенина. Осенние глаза, тем не менее, исподволь исследовали дяденку в отличном, с иголки костюме, поскольку дяденка, невзирая на прописку в Конотопе, был явно не из сырых. И возрастом он соответствовал ей гораздо больше шептуна-концептуалиста. (По малолеткам Вадик никогда не шастал, специализировался на женщинах достойных, с о д е р ж а т е л ь н ы х. Причем любил их не за последнее качество, а искренне, от всей души. За что был прозван бандой «археологом-любителем».) Платиновая Галочка о пристрастиях милейшего вертопраха Вадика, вероятно, догадывалась и комплименты принимала без малейшей подозрительности, но на дядюшку косилась все более и более призывно.

Завьялов немного отпил пивка, прислушался к ощущениям пожилого тела – вроде бы в хлам не развозит. Достал из кармана пачку «Беломора» и шлепнул ее на стол.

– Ого, Михал Борисыч, от нас – респект и уважуха! – зарычал Колян, увидев ветхозаветный «Беломор». – Не угостите? Давненько я не ощущал отечества...

Загасив в пепельнице окурок «Парламента», Косой заполучил в легкие «сладкий и приятный дым отечества», забалдел слегка... Дядюшке дал прикурить...

Гулянка шла по расписанию. К столику мушкетеров подошел один из посетителей вип-ложи, позвал тело-Кешу исполнить пару партий...

Стилист умело отбрехался, предъявив мизинец. Еще по дороге к «Ладье» временные союзники договорились, что к столам «Борис» не подойдет. Стилист, конечно, поупрямился: мол, ежели он доверится мышечной памяти отличного бильярдиста Завьялова, то вполне –

прокатит. Но Завянь категорически настоял: «Позориться мы с вами, Иннокентий, не будем. Вы, Кеша, через тринадцать дней авось отчалите, а мне позор всю жизнь глотать».

Но наблюдая за тем, как жадно родимое тело глядит на зеленое сукно, Завьялов стал нешуточно переживать. Кешу то и дело теребили, звали. Куафер брехал все неуверенней... В его глазах горел огонь недополученного драйва, неутоленной страсти к впечатлениям.

Когда с колен Косолапова привстала Света...

– Завянь, ну ты чо?! Я тебе фору дам, противный!

Завьялов понял, что они попались. Подвыпившую рыженькую Свету Борис-Завянь должен был обыграть с полностью загипсованной правой рукой! Слепший на оба глаза, наощупь, обломком кия.

Колян еще подначивал:

– Завянь... не узнаю. Давай-ка отдирай задницу от стула, иди и проучи зазнайку!

Значительно отключив отодранную от дивана задницу, тело, управляемое курицей, расположилось над столом. Прищурилось, типа примерилось...

Кошмар. Увидев, как разлегся Кеша, «конотопский дядюшка» даже зажмурился.

Начал считать до тысячи.

Пирамиду разбивала Светка. Причем так неловко, что настоящий Завьялов сделал бы партию с одного кия – четыре шара сразу в лузы шли.

Кошмарное, зажмуренное ожидание длилось не долго. Звук, раздавшийся в вип-ложе, показал, что кий чуть не продрал сукно. Но врезался-таки в шар.

Через мгновение, в полной тишине, раздался шлепок костяного шара о паркет.

«Залягу в анабиоз, доживу до нужного времени, разыщу придурка Кешу и удавлю!!»

– Н-да, Завянь, – глубокомысленно пробормотал Коляна. – Сегодня ты и впрямь не в форме.

«Конотопский дядя Миша» открыл глаза. Дебилоид, каким-то чудом умудрившийся развиться до стилиста, догадливо тискал ладонью покалеченную болванкой клешню и морщился вполне трагически.

Банда тоже морщилась, но уже сочувственно.

План по охмурению Зойки Карповой пролетал фанерой над Первопрестольной.

Если придерживаться канвы формат-кино (письменными источниками Кеша не увлекался), то в полночь должно произойти примерно так.

Четыре дивные красотки войдут в вип-ложу.

Борис Завьялов в это время должен громить Косого на бильярде. Вокруг них должны толпиться зрители.

Зоя заинтересованно подойдет к столу... Осерчавший от проигрыша Коля затеет перепалку с прибывшим пафосом... Карпова ответит за себя и за эскорт. Боря вступится. Не за Косого, разумеется, за девушек.

Завянь предложит Зое примирительную партию. Пошло-поехало.

Пока – свернуло. Затеешь партию с добряком Косолаповым и думать нечего. Коля никогда не встанет к столу с покалеченным соперником.

Прежде Завьялов надеялся выставить Кешу к бильярду ровно в полночь. Тот немного пофилонит, побродит вокруг стола и начнет знакомиться с Карповой, рассчитывая исключительно на засевшую в ее мозгах Жюли. Еще в дороге до «Ладьи» нечаянные соучастники договорились: едва Зоя и компания войдут в зал, стилист поскачет к бару и громко закажет коктейль с невероятным названием «Атас, Жюли, у нас циклоп».

– Жена у меня догадливая, – хвастался Капустин, – мигом все почует и исподволь поможет завязать роман. Нам, главное, нужный стол у входа в зал застолбить и на глаза попасться.

Но после позорного фиаско нужный стол сразу заняла шумная компания кавказцев. Их удалить оттуда можно только мордобоем.

А в ложу, где сцепились две грозные бригады, пафосные девы не войдут. Наверняка, возьмут курс на сонно тихий зал для некурящих.

Завьялов злобно глядел на «приболевшего» стилиста. Отвлеченный к тому же предмету Вадик беспечно оставил платиновую фемику без пригляда, и фемика погребла до «дядюшки».

Присела рядышком, затеяла светскую беседу о ценах на меха в Конотопе...

Был бы Боря в своем теле, давно бы попросил «археолога» приглядывать за раритетом, а так: сидел, расстроено и густо дымил беломориной, надеялся, что отпугнет ее, как комара.

Фемика оказалась беспримерно стойкой к дыму.

– Михаил Борисович, не желаете ли посмотреть ночную столицу?.. Я за рулем.

– Конечно! Но только завтра, когда придут внуки и жена. Внуков у меня аж целых трое, все мечтают...

Интерес в глазах у Галочки увял. Часы над баром показали полночь.

Тело-Кеша нервно ерзало по диванчику-подкове, его разом утешали Наташа и Светлана. Целовали в ушки, в носик, забинтованный техническим пластырем мизинчик бережно поглаживали. Косой подбадривал его басистым рыком, Макс вискаря подливал.

Иннокентий на нервах сделал внушительный глоток...

«Упьешься, – глазами пригрозил Завьялов, – урою, забыв, что покалечу собственное тело! А Жюли, увидев, что с девочками тискаешься, добавит уже дома».

Кеша трагически поглядывал на часы. Даже в полутьме и чужих очках Завьялов видел судорожные, глотательные движения родного кадыка: парикмахер стремительно терял лицо. Причем чужое. Борис уже радовался, что фиаско произошло вне расписания, без главной зрительницы.

Следуя тому самому расписанию, в вип-ложу заплывали три статные девицы – шатенка, блондинка, брюнетка – и одна стриженная белобрысая чудачка без малейшего намека на вторичные половые признаки, зато в ботфортах на пятнадцатисантиметровой платформе. Шатенка оглядывала ложу взором притомившейся Цирцеи, как бы пересчитывая потенциальное свинское поголовье. Брюнетка ей не уступала, легонько морщила обработанный пластическими хирургами носовой хрящик. Чудачка восторженно приплясывала перед стойкой бара на агромадных каблуках.

Завьялов во все глаза рассматривал блондинку, предположительно, жену и мать своих детей.

Ранее он с Зоей нигде не сталкивался. Судить о Карповой мог лишь по слухам, желтым сплетням и глянцевым фотосессиям. Воображал увидеть в ложе нечто разодетое в шелка, меха и драгоценности. Мысленно плевался, представляя, как выгуливает-охмуряет и попутно охраняет витрину ювелирторга.

Но Зоя удивила. На фоне разодетого эскорта Карпова смотрелась скромнее некуда: обтягивающие джинсы с широким кожаным ремнем, короткая холщевая куртка, всепогодные ботинки на низкой подошве. Длинные белые волосы в продуманном художественном беспорядке, заложены за ушки чудной формы.

Зоя представляла из себя редчайший тип натуральных блондинок с темно-кариими глазами.

И если б ни один пренеприятный факт, Завьялов мог бы себя поздравить: к ночной прогулке до утра красавица готова. Не ждет, когда потащат на руках через каждую лужицу и кучку конфетных фантиков.

Неприятным сюрпризом выступало крохотное лысое существо, которое ни один нормальный мужик не отважится назвать собакой. Мало того что название породы звучит, как пара чихов, о н о и выглядит, словно собачий выкидыш. Как червячок на лапках.

Лысое позорище собачьей популяции! Чиа-тьфу!-хуа-хуа!

Из под мышки Зои Карповой сюрприз торчал не полностью. Коричневая мокрая пуговка носа исследовала ароматы ложи, локаторы волосатых ушек ловили звуки и тряслись. В широкий пояс брючного ремня хозяйки упирались коготки при собачьем педикюре.

Три разу тьфу!

Четыре девицы и один ушастый малек под мышкой остановились возле барной стойки. По единственному пристальному взгляду, брошенному Зоей на зеленое сукно ближайшего стола, Завьялов понял, почему и как сложился их роман. На чем он завязался.

Зоя Карпова – играла. Ее глаза мазнули по шарам, опытно, оценивающе прищурились на хорошенького «сваяка»... Тут же красотка усмехнулась, увидев, как глупо игрок им распорядился – забил один шар и разрушил потенциальную комбинацию, а мог бы продолжать игру.

Эх, если б Иннокентий не устроил облом, сейчас, как и предсказывал формат из будущего, на том столе сражались бы Борис и Коля! И уж Завянь сумел бы вписаться в сценарий, бильярд его деланка. Его кусочек маслица на хлебе.

Неожиданно Борис почувствовал острую досаду. Почувствовал себя как будто обворованным.

Он должен был сейчас стоять там! И Завянь прекрасно знал, как это выглядело бы. Широкоплечий и уверенный он склонился б над столом, вытянулся во весь рост – ударил кием! – и, безусловно, заинтересовал бы Зою партией. Потом уже все трали-вали и кипрские дела.

Но он сидит в теле дядюшки-пенсионера и ждет, когда с парикмахера схлынет оторопь. Когда тот догадается, что Карпова уже скучает в этом зале, а две ее подружки наморщили носы... (Активность проявляет только белобрысая чудачка, переговариваясь-перемигиваясь с красавчиком барменом.)

Завьялов сделал Кеше зверские глаза. Взглядом приказал воодушевиться, мол, ты чего застыл, засланец?! Беги к Жюли, заказывай всем по «Циклопу» и возбуждай догадливость у женушки!

Кеша уже начал приподниматься, уже наморщил ум и храбрость...

Но тут, не вполне рассчитывая на парикмахера, мадам История взялась за дело. Какой-то там эффект с двойной фамилией задействовался в лице Коли Косолапова, поскольку по сценарию нахамить он все-таки обязан, а реплики Завьялова шли уже немногим позже.

Отодвинув рыженькую Свету, Косой нетрезво поглядел на прибывший пафос, поднес к губам пачку «Беломора» на манер микрофона и громко пробасил:

– Ахтунг, ахтунг! В небе ночные фрики-барби!!

Развеселая Светка фыркнула так, что червячная собачка окончательно упряталась под мышку, даже пуговичный нос исчез.

Шатенка, брюнетка и белобрысая пацанка окатили Светку и Косого ледяной надменностью, из подмышки Зои что-то гневно твякнуло...

Внесенный в анналы скандал развивался в разрушительном порядке ресторанного скандала. Колино бесчинство, скорее всего, разметало бы, вымело вон из зала глянцевою компанию. Цирцеи с перепившимися хряками не дружат, читалось на ухоженных личиках.

Тело-Кеша, наконец-то, встало во весь рост и вытянуло вверх руку на манер памятника Ленину.

– Бармен! – воскликнуло в лучшей традиции третьеразрядного актера «кушать подано». – Всем по коктейлю «Жюли, атас, у нас циклопы»!

Завьялов вновь зажмурился. На какой-то момент ему показалось, что вместо «кушать подано» из памятника-Кеши прольется знаменитый текст: «Товарищи! То, о чем так долго говорили большевики, свершилось!».

Немая сцена продолжалась три секунды. Бармен глядел на Борю с задумчивостью сфинкса. Народ соображал – какое еще новомодное пойло всем на халяву подвалило?

Потом случилась неожиданность: из под мышки Карповой выскочила лысая собачка. Сбив три пивных бокала, промчалась по ближайшему от бара столику...

Погруженный в мысли о формате Завьялов очнулся от грохота и почему-то представил, как выглядела бы эта сцена в замедленной киносъемке. По столу и спинкам диванов летит ушастый собачий недомерок – мохнатые «локаторы» трепещут и развешаются, хвост напряжен, словно волосатое копьё. На собачонке плюшевая юбочка и футболка с бисером. Напоминая цирковую обезьянку, она ловко летит вперед, как будто вместо когтей на ее лапах пальцы.

Бокалы рушатся. Облитые пивом мужики разевают рты и матерятся, Карпова распахивает карие глаза...

Банда в шоке: лысое ничтожество врежется в Завьялова и роняет его на пол.

В ложу, на крики и грохот, просовывается рожа бодигарда Карповой.

На полу барахтается Борис-Завянь, по его груди скачет червячок на лапках. Лижет в нос, в лицо, повизгивает, кажется, описать от радости готов.

Тело-Кеша пораженно бормочет:

– Жюли... Жюли... Это – ТЫ?!

Лишается сознания.

– Копец, ребята, – говорит Косой. – Ушастая чувырла нам Борика угробила.

* * *

– Это моя собака! – на весь цоколь возмущалась Карпова, пытаясь стащить четвероногую Жюли с груди тела-Кеши в обмороке. – Жозефина! Ко мне! Отцепись от этого урода!

Жозефина сидела на носителе родного мужа, как на последнем в мире куске мяса.

Лишь только Карпова протягивала руку, бросалась с лаем, пыталась тяпнуть пальцы.

– Зой, она взбесилась, – уравновешенно предположила шатенка-Цирцея.

– Отстань, Сабина! – чуть не расплакалась хозяйка зубастого червячка. – Жози, Жози, иди ко мне хорошая...

Каприз судьбы: Жюли забросило в Жози.

Зоя глядела на разлегшееся на полу тело, как домохозяйка на протухшую камбалу. Если бы не бдительное присутствие банды, наверняка лягнула бы разок.

Наследник зубоврачебной практики Макс Воробьев пытался добраться до пульса друга и убедиться, что тот инфаркт не заработал. Зубастая Жози тому препятствовала.

– Да убери ты на хер свою шавку!! – зарычал обеспокоенный Колян. – Боря сегодня грудью о руль саданулся, а она здесь скачет, как по матрасу!

Невесомая Жюли-Жози пружинисто подсакивала, Косой всерьез переживал за ребра.

Завьялов встал на колени перед своим телом и остервеневшей собачонкой. Представил, в каком кошмаре очутилась путешественница Жюли, когда ее занесло в собаку. Все происходящее сейчас в «Ладье» не соответствует кино-формату, все вообще – н е т а к.

Есть от чего сойти с ума.

– Жюли, – позвал негромко.

– Мою собаку зовут Жози! – гневно поправила Карпова и притопнула ногой, едва не отдав пальцы дедушки.

– Жюли, – не обращая внимания на вопль, негромко, прямо в трясущееся собачье ухо, повторил Завьялов. – Вы с Кешей нарвались на циклопов. Тебе нужно быть с Зоей, мы позже вас найдем. Будь умничкой.

Рассчитывать на благоприятное развитие романа в подобной обстановке и думать нечего. Карпова глядела на развалившееся тело взбешенной фурией-собственницей, которую обокрали, подло предали: собственная собачонка променяла на перепившегося бугая!

Отвратительного бугая, причем! Вначале он изображал купца-гуляку и всем выпивку заказывал. Потом на пол завалился от прыжка крохотулечки Жози.

Фу. Просто – фу и тьфу! Зоя снова разозлено притопнула ножкой.

... Вначале, когда Завьялов только приседал, Жози чуть-чуть оскалилась и прижала уши.

Едва дяденька в очках заговорил, позвал... расслабилась. Стояла, прядала пушистыми лопухами и тихонечко тряслась на тонких лапках. Розовых в коричневую пятнышку. Юбочка и кофточка, расшитые сверкающими штучками, сверкали, словно сбрызнутые слезками или дрожащими капельками росы. Вид у собачонки был такой несчастный, что Завьялов устыдился недавним мыслям о тщедушном представителе семейства псовых.

Разумные коричневые глазки собачонки слезились совершенно по-человечески. Жози вздохнула всем крошечным тельцем... Легла на грудь тела-Кеши, как на свежую хозяйскую могилу, и заскулила.

Душераздирающее зрелище. Чувствительные девушки – пластырь и антибиотик – застыли и приготовились расплакаться.

После чего плавно возник намек на примирение и шумное застолье банды с красотками гламурным, а так же и лечебными.

Но все испортила рассудочная Цирцея, протолкнувшая сквозь скульптурную группу сочувствующих бодигарда Карповой.

– А ну-ка, дядя, расступись, – прозвучал над головой Завьялова глухой басистый приказ.

Борис не успел ничего понять, как на крошечное червячное тельце упал широкий, словно одеяло, пиджак охранника.

Тут отметим, что в запарке бодигард позабыл убрать из кармана некий тяжелый предмет. Предмет чувствительно треснул бессознательное тело по лбу.

Иннокентий очнулся в момент, когда бешено вырывающуюся из пиджака Жюли снимали с его груди. Опомнился не сразу. Вначале поглядел на собравшуюся над ним толпу, нашел глазами Борю...

– ЖЮЛИ-И-И-И!!!

В нос тела-Иннокентия тут же воткнулся указательный палец мадемуазель Карповой:

– Не вздумай, дорогуша, предъявлять права на мою собаку. Эту собаку, щенком, подарил мне папа. Понял?! Все документы есть, общаемся только через адвокатов.

Браво. Завянь, с колен, смотрел, как Зоя Карпова разгибает тонкую сильную талию и откидывает волосы назад.

– Алеша, за мной. – Бодигард, с Жюли в охапке, поскакал за гневной фурией. – Девочки, я уезжаю.

– Зойка, я с тобой, только с барменом расплачусь! – информировала белобрысая чудачка.

– Вообще-то, у нас наверху столик заказан, – задумчиво проворковала Цирцея-Сабина.

Не поименованная брюнетка смерила бильярдную компанию взглядом. То ли попрощалась, то ли пригрозила.

– Ну надо же... Мы вообще-то поужинать сюда приехали... И в боулинг.

Насмешливо тряхнула волосами и тоже двинулась в кильватере у прочего гламура.

– Обалдеть какая чикса, – произнес Коляня и причмокнул.

Верные «медицинские» подружки заинтересовались на предмет конкретики: какая именно чикса и чего в ней обалденного?

Вадик протянул телу-Кеше руку, предлагая подняться.

– Ты как, Завянь, в порядке?

Умный, словно сто чертей, юрист Воробьев пристально разглядывал друга Борю. В глазах юриста тлело подозрение.

Стилист повел себя неадекватно. Не обращая внимания на обеспокоенного Вадика, он вскочил и схватил за рукав конотопского родственника. Резко потянул того на выход.

– Завянь, ты чо?! Куда?!

Трехголосый вопль друзей остался без ответа.

* * *

Тело-Иннокентий тянуло Завьялова за собой, как мощный парусник привязанную лодку. Его любимую четвероногую Жюли унесли куда-то в пиджаке!

Разодетый старикан едва не падал, но тем не менее шипел свирепо:

– Остановись, придурок!! То есть, Боря... Мы позже их найдем!

– Борис Михайлович! – забыв про обращение, нервно просипел стилист. – Зою Карпову сейчас будут похищать!!

– Как это? – затормозил Завьялов. – Ее ж от дома будут...

– Нет, сейчас! – утягивая Борю к лестнице на первый этаж, перебил Иннокентий. – По установленному историческому сценарию вы должны были скрыться от ее охранника и незаметно сбежать из «Ладьи» вдвоем, – торопливо каялся пришелец. – Но по первоначальному плану похитителей захват Зои должен был произойти на стоянке перед этим комплексом!! Двор дома Зои – запасной вариант!

– Черт!!

– Да!!!

Если бы не возникающий цейтнот, Завьялов врезал бы заигравшемуся в секреты Кеше по собственной роже.

«Господи, ну почему в меня занесло такого полудурка?! – прыгая через ступени стареньким зайчиком, ругался на ходу Завянь. – Он что, реально полагался на Жюли? Рассчитывал на шару замутить с Зойкой Карповой?!..»

Судя по всему, рассчитывал и полагался. Раз не предупредил о планах похитителей, знакомых по формату.

Завянь неся за родимым длинноногим телом и чувствовал, как в полученном теле бешено колотится о ребра сердце, сипят прокуренные легкие...

«Заботиться о теле надо, заботиться!»

Тело-Иннокентий выскочило на крыльцо. Принялось озираться, попрыгивая туда-сюда...

Парковки развлекательного комплекса размещались с двух сторон, куда направились Зоя и бодигард Алеша – вопрос вопросов. Они могли свернуть налево к парковке, где дремал «порше». Могли пойти в противоположную сторону.

Иннокентий подскочил к пареньку-сикьюрити и проорал вопрос:

– Куда пошла блондинка с охранником без пиджака?!

Пока сикьюрити мозгой ворочал, к Иннокентию метнулась стройная брюнетка с горящими очами.

– Боренька, привет. Девушка туда пошла, – вытянутый пальчик указал на левую парковку. – Завянь, а ты уже уходишь? – Брюнетка попробовала удержать Кешу за куртку.

Но неудержимый муж Капустин сорвался с крыльца вполне подобно соколу, совсем не курице.

Старичок Завьялов пробежал мимо ответственной девушки, успел подумать: «Кто такая? Почему не помню? Личико вроде бы знакомое, приятное...» Помчался за стилистом, сворачивающим за угол.

Тело рысало вперед, перепрыгивая через лужи, перепархивая бордюры и лихо огибая автомобили. Иннокентий мчался выручать Жюли и Карпову, старикан за ним не поспевал.

«Заботиться... кхе-кхе... о здоровье, заботиться... кхе-кхе!..» В груди kloкотали забитые никотиновой слизью легкие, сердце, казалось, уже выскочило из груди и металось под лондонским пиджаком на тонкой ниточке аорты. Борис почти терял сознание, приличные очки соскакивали с носа, зрение плыло...

Но впрочем, не настолько чтоб не разглядеть валяющегося на проезде охранника в рубашке. Алексей, без признаков сознания, валялся под хвостом блестящей лаком «мазды». Крови на нем не было, бодигарда, вероятно, оглушили бережно.

Не останавливаясь над охранником, Завьялов выбежал на параллельную дорожку...

Возле раскрытой настежь дверцы микроавтобуса с тонированными стеклами Зоя Карпова боролась в двумя мужиками в лыжных шапках, натянутых на лица. Похитители втаскивали девушку в салон, один из мужиков уже стоял внутри автобуса и тянул Зою внутрь, второй подталкивал...

В борющуюся троицу врезался лихой стилист!

Как шар для боулинга в кегли.

«Кегли» завалились внутрь микроавтобуса, туда же рухнул и парикмахер. Завьялов некоторое время видел, как из салона торчат родные, длинные ноги.

Машина резко тронулась! Ноги втянулись – либо их втянули на ходу, не сумев отцепить защитника от жертвы, – микроавтобус, взвизгнув шинами, помчался к выезду с парковки.

Причем понесся прямо на старикана в английском прикиде. И если бы Борис не отскочил, всем телом рухнув на капот умытой Лады, микроавтобус сшиб бы его, как нечего делать.

Машина бешено проскочила беспечный шлагбаум, вихляя задом выехала на трассу.

Пылающие пожаром задние фары скрылись в ночи. Завьялов мрачно поглядел им вслед: «Шалишь, жиган. Шалишь. По трассе от меня ты фиг уйдешь».

Нашаривая в кармане брелок с ключами от «порше» и обретая удивительное, рассудочное спокойствие – довольно обычное для предстоящих гонок, – Борис быстро пошагал к своему автомобилю. О том, чтобы вернуться в «Золотую ладью» или вызвать полицию, не задумался даже на мгновение. В микроавтобусе с пылающими маячками на заднице от него увозили родное тело. ЖИЗНЬ у него похищали.

На секунду, усевшийся за руль «порше» Завянь почувствовал себя состарившимся Джеймс Бондом. Шпионом на пенсии. (Географически привязанный к Бонду костюм ощущению крайне способствовал.)

Чуть позже героическое настроение слегка померкло. Завьялов стремительно вывел спорткар на шоссе: десятки красных фонарей слились в один сплошной кошмар – для позднего ночного времени автострада оказалась слишком перегруженной.

Всех к черту. К дьяволу!

Обгоняя и лавируя, нарываясь на возмущенные вопли клаксонов – «порше» облаивали со всех сторон! – Борис вел машину вперед, ноги уверенно перебирали педали, глаза искали контуры микроавтобуса. Шарили по обочинам и отворотам.

Ну где же они, где?! Свернули или едут по прямой?!

В голове, полученной Завьяловым только сегодня, послушно разворачивалась транспортная схема столицы. Завянь мысленно представил знакомые до мелочей развязки, прикинул, могли ли злоумышленники свернуть и скрыться в каком-нибудь дворе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.